

ГОСТЬ

ИЗ

КОСМОСА

Росс Уэлфорд

Росс Уэлфорд

Гость из космоса

Серия «Бестселлеры мировой фантастики для детей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64653976

*Гость из космоса / Р. Уэлфорд ; пер. с англ. Е. Зиганшиной ; илл. А. Кривогиной: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134429-0*

Аннотация

Новая история от автора бестселлеров Amazon и лауреата премии «Лучшая книга 2017»!

В небольшой деревушке возле Нортумберленда невиданное происшествие: исчезла двенадцатилетняя Тамми. Только её брат-близнец Итан знает, где она находится. Этот секрет необходимо сохранить, иначе брат рискует никогда больше не увидеть сестру.

Но это не значит, что он собирается сдаваться.

Вместе со своим другом Игги и загадочной Эллиэнн Итан отправляется на выручку Тамми.

«Гость из космоса» – это история о нерушимой связи между братом и сестрой, дружбе и межзвёздных приключениях.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	52
Глава 11	59
Глава 12	65
Глава 13	69
Глава 14	75
Часть вторая	81
Глава 15	82
Глава 16	84
Глава 17	88
Глава 18	92
Глава 19	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Росс Уэлфорд

Гость из космоса

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей. THE KID WHO CAME

FROM SPACE Text copyright

© Ross Welford 2019

© 2021 переведено и опубликовано с разрешения
HarperCollinsPublishers Ltd

© Зиганшина Е., перевод, 2021

© Кривогина А., иллюстрации, 2021

© Издательство АСТ, 2021

Часть первая

Продолжаются поиски пропавшей двенадцатилетней девочки

Килдер, графство Нортумберленд

27 декабря

Нортумберлендская полиция просит помощи граждан в поисках двенадцатилетней девочки, пропавшей из деревни Килдер, графство Нортумберленд, в рождественский сочельник.

В последний раз Тамару, или Тамми, Тайт видели 24 декабря около 18 часов уезжающей на велосипеде из дома, который находится возле паба «Звездочёт».

Рост девочки около 160 см, среднее телосложение, светлая кожа, светлые волосы, глаза карие. Когда её видели в последний раз, она была одета в синие джинсы и красную дутую куртку фирмы «Норт Фейс».

Отряды добровольцев и полиции два дня прочёсывали леса и пустоши вокруг отдалённой деревни, расположенной вблизи границы Англии и Шотландии.

Всех, кто видел Тамару или располагает любой информацией касательно её текущего местонахождения, просят немедленно связаться с полицией.

Если у вас есть информация, которая может помочь в поисках, свяжитесь с полицией по номеру 13-14-11 или с организацией «Остановим преступность» по номеру 1800-333-000.

Глава 1

Эллиэнн

Я перечитала светящуюся передо мной табличку:

Вид организма: человеческая самка

Происхождение: Земля

Возраст: около двенадцати лет

Данный новейший экспонат будет представлен на основной выставке Зоны Земли, как только установится эмоциональная стабильность

Я посмотрела на это замызганное создание, и мне захотелось потянуться через невидимое ограждение и взять его за руку. (Такое было не позволено, вообще невозможно: ограждение оттолкнуло бы меня, болезненно ударив током.)

Волосы у него...

Так. Мне надо прекращать говорить «оно». На табличке написано, что это самка, значит, это «она»...

Волосы у неё висели свалывшимися прядями. Наверное, они понравились бы мне, будь они чистыми. Её бледную безволосую кожу усыпали пятнышки потемнее («веснушки»,

вот как они называются на её языке). Её одежда походила на ту, что носили другие люди в Зоне Земли. На ней были штаны из грубой на вид ткани и толстая и объёмистая вещь оттенком посветлее сверху, а ноги были обуты в большие ботинки, закреплённые переплетённым шнуром.

Её лицо было грязным, с дорожками от слёз, а покрасневшие глаза влажно блестели. Она плакала (это нормально – люди часто так делают), хотя действующий на атомном уровне препарат, который ей дали, подавил большинство её основных когнитивных функций...

(Погодите. Это не слишком сложно? Филип считает, что мне стоит написать: «Ей дали медикаменты, из-за которых её мозг замедлился». А это, я полагаю, почти то же самое. Предоставлю решать вам.)

Несмотря на это, в её глазах виднелся проблеск жизни. Возможно, дозировка была неточно рассчитана, или она обладала устойчивостью к некоторым препаратам.

Как бы то ни было, она посмотрела на меня, и я изумилась, до чего же человеческие лица выразительны.

Она приложила ладонь к груди, и мне на краткий миг показалось, что она делает знак Сердечных, но – само собой – это было не так.

Она напряжённо посмотрела на меня и сказала:

– Та-ми.

Только это: два этих слога.

Затем она повторила:

– Та-ми.

Я оглянулась через оба плеча, но никто на меня не смотрел, так что я вытащила свой ПП и засняла это. Общаться с экспонатами не запрещалось *прямым текстом*, но и не поощрялось тоже.

«Это что, её имя?» – подумала я.

Я повторила слоги, которые она произнесла, хоть мне было и нелегко воспроизвести такие звуки.

– Та-ми, – сказала я.

Она кивнула и сделала странное лицо, будто ей одновременно хотелось засмеяться и заплакать, чего я не поняла – и до сих пор до конца не понимаю. Человеческие существа чудные.

Я симитировала её жест и назвала своё имя.

Человеческая самка попыталась повторить его. Получилось *совершенно* не похоже на моё имя. Она попыталась снова – в этот раз вышло лучше. Я пару раз потренировала звуки, а потом постаралась произнести своё имя так, чтобы она смогла его повторить.

– Элли-энн, – сказала я, и её рот слегка растянулся в улыбке.

Она с усилием моргнула и повторила его мне в ответ. Я обнаружила, что улыбаюсь ей.

Затем её улыбка погасла, и она произнесла ещё два слога:

– И-тан.

Из динамика рядом с табличкой донёсся голос:

– Ваше время истекло. Проходите дальше. За вами целая очередь желающих посмотреть на новый экспонат. Не задерживайтесь больше отведённого времени. Следующий.

Человеческая самка понаблюдала, как я ухожу, а затем отошла и села на землю в глубине своего вольера, к которому уже приблизились два новых посетителя.

«Та-ми», – сказала я сама себе, проходя мимо Ассистента-Советника, стоявшего с краю выставочного пространства.

– Ты здесь уже в третий раз, кажется, – сказал АС. – Да ещё и с экспонатами общаешься? Я за тобой слежу.

Вот только вслух он этого не произносил. Ему не нужно было – он просто пристально посмотрел на меня, и этого было достаточно.

Вот так здесь всё и происходит. Все подчиняются правилам. Никто не выходит за рамки дозволенного.

Всю дорогу до своего дома-капсулы я старалась сохранить невозмутимое выражение лица, хоть на самом деле мне хотелось сморщиться и заплакать. Однако это немедленно выдало бы, что я не такая как все, поскольку народ здесь не плачет – да и не смеётся, раз уж на то пошло.

Вместо этого я раз за разом мысленно повторяла её имя: «Та-ми. Та-ми. Та-ми».

Я воспроизвела на своём ПП запись, где она произносит своё имя и что-то ещё.

«Что такое И-тан?» – размышляла я. Именно это она сказала: «И-тан».

Возможно, когда-нибудь я узнаю.

Потому что я собираюсь вернуть Тамми на Землю.

Это будет опасно. Если я не справлюсь – меня усыпят до конца моей жизни.

А если у меня всё получится? Что ж, тогда, скорее всего, мне придётся сделать это снова, с другим экспонатом.

Своего рода проклятье за то, что обладаешь чувствами.

Глава 2

Итан

Моя сестра-близняшка Тамми уже четыре дня как пропала, так что когда раздаётся звонок в дверь, я предполагаю, что это полиция или очередной журналист.

– Я открою, – говорю я Ма и Па.

Ба в спортивном костюме дремлет, откинув голову и раскрыв рот, в большом кресле у рождественской ёлки. Огоньки на ёлке уже давно не зажигались.

Я открываю дверь и вижу перед собой Игнатуса Фокс-Темплтона – Игги, если кратко и чуть менее странно – в тёплом пальто, плоской кепке и шортах (несмотря на снег). В одной руке он держит удочку, а второй прижимает к себе Сюзи, свою ручную курицу. За спиной у него висит здоровенная сумка, а на земле с ним рядом валяется его ржавый старый велик.

Некоторое время мы просто стоим, уставившись друг на друга. Мы не то чтобы лучшие друзья или что-то в этом духе. В сочельник, когда Тамми только пропала, у нас с ним состоялось несколько неловкое взаимодействие. (Я чуть не сломал его маме пальцы крышкой пианино, но она была на меня не в обиде.)

– Я, эм... я просто подумал... мне пришло в голову, ну знаешь, может... эм... – Игги обычно не такой, но обычно его и нельзя назвать обычным, и кроме того, в настоящий момент всё идёт совсем не как обычно.

– Кто там? – устало окликает из дома Ма.

– Не волнуйся, Ма. Неважно! – отзываюсь я.

Ма стало хуже за пару последних дней. Никто из нас толком не спит, но я начинаю подозревать, что Ма не спит *вообще*. Под глазами у неё появились такие сине-серые круги, будто макияж смазался. А Па тем временем пытается заниматься пабом и координировать поиски, но дел у него становится меньше и меньше. Все хотят нам помочь, а значит, единственное, что остаётся нам, – это сидеть, волноваться всё сильнее и плакать. Сандра, сотрудница по семейным вопросам из полиции, которая теперь проводит у нас уйму времени, говорит, что это «ожидаемо».

Я поворачиваюсь к стоящему на пороге Игги.

– Чего тебе? – спрашиваю я, и выходит грубее, чем я надеялся.

– Ты не... эм, ты не хочешь пойти порыбачить? – практически шепчет он. Глаза за толстыми стёклами очков моргают быстро-быстро.

В том случае, если вы не до конца понимаете, насколько странным мне это кажется, вам стоит знать, что последние несколько дней весь мой мир состоял лишь из беспокойства и слёз; и бойких полицейских; и журналистов с камерами и

блэкнотами, жаждущих получить интервью; и людей из деревни, приносящих еду, несмотря на то что в пабе имеется огромная кухня (теперь у нас есть два пастушьих пирога и здоровенный торт-безе); и Сандры, и Ма и Па с Ба, пытающихся как-то справиться со всем этим; и тётушки Анники и дяди Яна, прилетевших вчера из Финляндии, чтобы... а я и не знаю толком, зачем. Чтобы «утешать» нас, видимо.

А всё потому, что четыре дня назад Тамми исчезла с лица земли. С тех пор всё идёт наперекосяк.

Так что когда Игги заявляется сюда и предлагает порыбачить, моя первая мысль – это «Ты с ума сошёл?» Потом до меня доходит.

– Это Сандра придумала? – спрашиваю я, держа входную дверь наполовину прикрытой, чтобы не впускать в дом холода.

Игги и не собирается отпираться. Он кивает в своей характерной уверенной манере. Сандру Игги уже знает: у него бывали причины, чтобы полицейский по семейным вопросам приходил к нему домой.

– Да. Она подумала, что тебе, возможно, захочется ненадолго выбраться из дома. Знаешь, смена обстановки и всякая такая туфта. Отвлечься немного.

«Туфта». Слово очень в духе Игги. Местного акцента у него особо нет, но и совсем нормативного произношения тоже. Он будто не может до конца определиться, как ему говорить, и поэтому использует всякие странные словечки, что-

бы заполнить пробелы.

Игги продолжает:

– Так что – вот он я! – Он приподнимает свою удочку. – Ну то есть, – добавляет он, кивая на Сьюзи. – Вот они *мы*.

Я правда не знаю, как относиться к Игги. Па он совершенно не нравится, с тех пор как – мы тогда только переехали в эту деревню – Па поймал Игги, когда тот пытался утащить коробку чипсов из подсобки возле паба. Его мама сказала, что подсобку вообще-то следовало закрывать, так что Па и она не очень-то по душе. Она держит пчёл. С папой Игги она, кажется, в разводе.

И всё же мне приходится признать: Игги поступает весьма мило, хоть это и не его идея. Мне даже не нравится рыбалка. Сьюзи, курица Игги, вытягивает шею, чтобы я её почесал, и я послушно зарываюсь пальцами в тёплые перья у неё на горле. Честно говоря, у меня и насчёт Сьюзи сомнения. Ну то есть, кто вообще заводит в качестве питомца *курицу*?

Потом, параллельно почёсывая Сьюзи, я думаю: «Что ужасного может случиться?»

Так что я сую голову в дверь гостиной. Па ушёл на кухню и говорит там с кем-то по телефону, а Ма просто невидящим взглядом таращится в телевизор, который вообще-то выключен. Ба негромко всхрапывает. В комнате чересчур жарко, догорающий в камине огонь светится бело-оранжевым.

– Я погуляю недолго, Ма, – говорю я. – Ну знаешь – свежий воздух, всякое там такое.

Она кивает, но я не уверен, что она хорошо меня расслышала. Её голова целиком занята Тамми.

Тамми, моей сестрой-близняшкой, которая исчезла с лица земли.

Глава 3

Лента по-прежнему на месте – ПОЛИЦЕЙСКОЕ ОГРАЖДЕНИЕ. ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН – натянута поперёк тропы, где Тамми оставила свой велик, но полицейские уже несколько раз прочесали и узкий берег, и саму тропу, и теперь здесь никого. Я не был тут с сочельника, с тех пор как всё произошло, и когда мы приближаемся, в груди у меня что-то сжимается.

– Ты как, нормально? – спрашивает Игги. – Прости, я не подумал о том, что, ну, знаешь... озеро и всё такое...

– Спасибо. Я в порядке. – К воде можно выйти и с другой стороны, но это далековато.

Мы бросаем велики в начале тропы и идём по крутому спуску через лес, и всё это время я думаю: «Именно тут шла Тамми...»

Мы выходим на неширокий пляж. Игги не переставая болтает о гигантской щуке, которая обитает рядом с Бейкетинской дамбой, где водохранилище сужается и превращается в нечто вроде сточного озера.

– Когда становится по-настоящему холодно, щука часто выходит на мелководье... Лазерная приманка наверняка привлечёт её... эта леска выдерживает до восьмидесяти фунтов...

Для меня это всё равно что иностранный язык, но я не пе-

ребиваю, потому что задуматься ненадолго о чём-то, кроме Тамми, неплохо.

День перевалил за середину, и небо уже начинает темнеть. Перед нами предстаёт обширная гладь Килдерского водохранилища – тёмно-сиреневая в надвигающихся сумерках. При виде неё я ахаю и очень тихо говорю:

– Ого!

Ко мне подходит Игги и встаёт рядом, вглядываясь куда-то вдаль.

– Думаешь, она ещё жива, Тайт?

Уф! Его прямота несколько ошарашивает меня, и я ощущаю покалывающее раздражение, пока не осознаю, что он просто спрашивает то, что хочется спросить всем. Остальные ходят вокруг да около, зачастую боясь сказать хоть *что-то* – вдруг ненароком ляпнут что-нибудь не то.

Я вздыхаю. Никто раньше не спрашивал меня об этом, так что я удивляюсь, поняв, до чего я уверен.

– Ага, – говорю я. – Я чувствую это. Вот здесь. – Я касаюсь своей груди, возле сердца. – Это такое свойство близнецов.

Игги надувает губы и медленно кивает, будто всё понимает, но я не думаю, что это можно понять – если только у тебя нет близнеца.

– Ш-ш, – говорю я. – Слушай.

Я надеюсь снова услышать воющий шум, как в ту ночь, когда пропала Тамми. Но единственные звуки – это шелест слабеньких волн, набегающих на берег каждые несколько

секунд, и ритмичное постукивание ярко-оранжевой стеклопластиковой байдарки о длинный деревянный причал, выступающий в воду. Ветхие доски причала скрипят под нашим весом, Игги распаковывает свою сумку со снастями.

Кажется, последний раз я стоял на этом причале вместе с Тамми – мы играли в нашу с ней камнебросательную игру. Суть проста: кто сумеет забросить камень в озеро дальше? Но мы придумали правила, вроде размеров камня, серий до трёх побед и так далее. Сестра почти всегда побеждает, и это раздражает до жути. Бросает она хорошо. Игги всё продолжает бубнить:

– Вот так вот. Две восьмирядные плетёные рыболовные лески, сто метров, каждая с поводком из стальной проволоки... Четыре десятисантиметровых крючка на акулу... одна короткая удочка и моя старая-добрая катушка на щуку, плюс лазерная приманка Джонсона.

Игги – чей школьный табель можно было бы назвать «неравномерным» – по рыболовной речи получил бы пятёрку. Он вытаскивает из своей сумки нечто, разворачивает пластиковую обёртку и суёт это мне под нос. Меня едва не выворачивает от запаха.

– Что за...?

– Это курица. В мусорке за вашим пабом нашёл. – Он поспешно добавляет: – Взять что-то из мусорки – это ведь не воровство, так?

Он объяснил свой план по дороге сюда, но теперь – стоя

на причале на коленях и собирая свою четырёхсегментную удочку – снова пересказывает его.

– Значит, эта куриная грудка – наживка. Мы отплывём от берега метров на тридцать и бросим курицу в воду, привязав её к бую. – Он указывает на красный буй размером с футбольный мяч, лежащий на дне байдарки. – Так она не утонет. Прикрепим её к леске и к моей удочке. Приплывём назад, размотаем леску и просто будем ждать. Тут появится щука и учует чудесное мяско...

Игги показывает, как именно это произойдёт: он сощуривается и водит носом влево-вправо.

– Она просто не сможет устоять! Бам! Клацнет челюстями – тут-то она и попалась. Мы увидим, что буй дёргается, и начнём сматывать леску, чтобы подтащить щуку к причалу, где *ты* уже будешь стоять с телефоном наготове, чтобы наделать фоток. Потом мы отпустим её и поедем обратно, навстречу славе и богатству или, самое меньшее, нашим фотографиям в «Хексхэмском еженедельнике»!

Я продолжаю убеждать себя, что всё будет хорошо, даже когда мы бросаем все снасти в байдарку и я ступаю в эту покачивающуюся посудину – ледяная вода на её дне просачивается мне в кроссовки. Сюзи лезет за нами, и я мог бы поклясться, что она глядит на меня весело. Она разок нюхает протухшую курицу и отодвигается от неё как можно дальше, прямо на корму байдарки.

Я ничего не говорил Ма про то, что мы будем выходить на

воду, потому что сам не знал об этом, пока Игги не сказал. Моя совесть чиста. И всё же...

– Игги? – спрашиваю я. – У нас... эм, у нас есть спасательные жилеты? – Сказав это, я чувствую себя глупо, а увидев презрительное выражение на лице Игги – и того глупее. – Неважно, – говорю я. – Я умею плавать.

Мы отцепляем покачивающуюся байдарку от причала и начинаем грести к центру озера, не говоря ни слова.

Возможно, дело в движении байдарки, но меня начинает слегка подташнивать. Курица (та, которая мёртвая) только усугубляет ситуацию. Гнилостный запах остаётся на моих руках после того, как я сбрасываю её за борт, привязанную к красному бую.

Я перегибаюсь через борт и опускаю руки в ледяную воду, чтобы помыть их, а затем резко выпрямляюсь с вскриком, раскачивая байдарку.

– Эй! Осторожней! – возмущается Игги.

Мне что, показалось?

Мне и *впрямь* показалось. Я присматриваюсь: это просто подтопленное бревно. Из воды торчит ветка, которая вроде как напоминает руку, так что моё воображение превратило всё это в дрейфующее тело, и я подумал, будто это Тамми, но это не она. Это просто бревно, а мой мозг меня разыгрывает.

– Теперь поплывём назад? – спрашиваю я, стараясь скрыть напряжение в голосе.

Мы гребём обратно, разматывая за собой толстую леску.

И теперь мы ждём на причале. И ждём. Я гляжу в небо, которое уже здорово потемнело, и думаю, что мне пора возвращаться.

Часы на телефоне показывают, что мы пробыли здесь уже больше часа, и, честно говоря, мне скучно, холодно и я всё никак не отойду от бревна-которое-оказалось-просто-бревном.

И тут буй дёргается.

– Ты видел...

– Ага.

Мы вскакиваем на ноги и таращимся на озеро – буй снова замер, и от него по воде расходятся едва заметные круги.

– Что думаешь? – спрашиваю я, но Игги просто снимает кепку и задумчиво проводит пальцами по своим спутанным рыжим волосам, глядя на воду.

Мы стоим так несколько минут, а потом он говорит:

– Думаю, надо проверить, – и начинает сматывать леску. – Может, клюёт, а может, наживка свалилась. Проклятье. – Леска не поддаётся. – Наверное, в водорослях запуталась или зацепилась за бревно.

Чем сильнее он тащит леску, тем туже она натягивается.

– Давай же, – стонет он, забираясь в байдарку. – Нам надо её распутать.

– *Нам?* – бормочу я, но всё же лезу следом.

Игги свистит Сюзи, прямо как собаке, и курица послушно заскакивает к нам в байдарку. Игги решительно натяги-

вает кепку, поправляет очки на носу, и мы начинаем грести обратно к дёргающемуся бую.

Не успеваем мы до него добраться, как видим сильнейший всплеск.

Он просто гигантский – будто на другом конце водохранилища кто-то с огромной высоты сбросил в воду машину.

Очевидно, что это никакая не машина. Но – столь же очевидно – я не думаю, что это невидимый космический корабль, я же не совсем чокнутый.

Однако именно кораблём это впоследствии и оказывается.

Глава 4

За первым всплеском метрах в двухстах от нас через несколько секунд следует второй, чуть поменьше, но тоже мощный – и ближе к нашей байдарке. Капельки воды, летящие во все стороны, блестят в свете восходящей луны. Ещё пару секунд спустя вода всплёскивает в третий раз, потом в четвёртый, всплески приближаются к нам по прямой линии, будто кто-то бросил «блинчиком» гигантский невидимый камень. На пятом всплеске – всего метрах в шести от нас – вызванные им волны начинают яростно раскачивать нашу байдарку из стороны в сторону.

– Что происходит? – воплю я.

Затем нас окатывает брызгами, и мы оба съёживаемся на дне раскачивающейся лодки. Я скорее чувствую, чем вижу, как что-то проносится очень низко над нашими головами, из-за чего Сьюзи встревоженно кудахчет.

– Что это такое? – кричу я.

Игги и не пытается ответить.

Я поднимаю голову и вижу шестой всплеск – теперь с другой стороны байдарки. Седьмой уже значительно меньше. То, что вызывает их, что бы это ни было, слабеет. Восьмой всплеск, затем вода волной оmyвает причал, а потом... ничего. Ничего, кроме темнеющего неба, фиолетового озера, чёрно-зелёного леса вокруг...

...И тишины, нарушаемой лишь шорохом волн, лижущих борт байдарки.

Наконец Игги выпрямляется и говорит:

– *Господь* всемогущий! Ты это *видел*? – но я не знаю, *что* именно мы видели, так что в итоге просто шевелю губами, не издавая ни единого звука.

В любом случае, теперь смотреть не на что: что бы ни вызвало всплески, должно быть, утонуло – но всего в десяти метрах от берега, где не так глубоко, а вода относительно прозрачная. Вдвоём мы гребём к этому месту: возможно, несмотря на сгущающуюся вечернюю темноту, мы сможем осветить в воду фонариком и что-нибудь разглядеть?

Когда мы приближаемся, я слышу гудение, и мы останавливаемся, давая байдарке покачиваться на воде. Я верчу головой, чтобы лучше расслышать.

– Слушай, – шиплю я. – Это оно! Шум, который я слышал тем вечером, когда пропала Тамми.

Звук раздаётся опять. Низкое, но почти неразличимое «бжжжжжж», так жужжит пчела, когда не может выбраться из комнаты и бьётся в окно.

Я снова вглядываюсь в направлении звука и вижу, что поверхность воды колеблется и на ней вроде как появилась вмятина, будто на озёрную гладь возле причала положили гигантскую стеклянную тарелку, но в неярком лунном свете рассмотреть что-то затруднительно.

Затем, когда мы подплываем ближе к этому объекту, нос

байдарки во что-то врезаются. Наверное, очередное дрейфующее бревно, решаю я, но приглядываюсь и не вижу ничего. Никаких камней в воде тоже нет. Я снова берусь за весло и загребая им воду, но мы опять останавливаемся, ударяясь обо что-то, о какой-то невидимый предмет. Судя по звуку, издаваемому байдаркой, этот предмет прямо перед нами, торчит из воды, но это невозможно, потому что мы не видим ничего, кроме воздуха.

– Что это такое? Что нам мешает, Тайт? Обо что мы бьёмся?

Когда байдарка в третий раз ударяется о пустоту, я решаю сменить тактику и обогнуть треугольник гладкой воды. Я останавливаюсь, прежде чем байдарка достигает берега, а потом оглядываюсь посмотреть.

– Передай-ка мне блесну, Тайт, – говорит Игги.

Он аккуратно берёт у меня здоровенную электронную приманку, избегая её коварных крючков, и жмёт крошечную кнопку на её боку, активируя лазерный свет, который якобы привлекает рыбу. Он указывает им вперёд, на невидимый предмет, чем бы он ни был.

– Ох ты ж батюшки. Ты только посмотри!

Я смотрю. Зелёный луч света идёт прямо над водой, затем резко поворачивает влево, огибает что-то и снова устремляется по прямой. Игги направляет луч, и свет опять делает то же самое – обтекает нечто, чего мы увидеть не можем.

Я нахожу на дне байдарки камешек и швыряю его туда,

куда светит Игги. Раздаётся приглушённый удар, и камешек *отскакивает обратно в мою сторону*, со всплеском плюхается в воду.

Всё происходит *точно* так, как если бы он ударился о стеклянную панель, вот только никакого стекла там нет. Я бросаю ещё один камешек, и всё повторяется. Открыв сумку Игги со снастями, я достаю оттуда массивное свинцовое грузило и его тоже бросаю, со всего размаху. Тот же результат.

К этому времени мы оба на грани паники. Затем гудение становится ниже, вода перед нами как будто бурлит, и лежащий на ней объект начинает двигаться в сторону байдарки.

– Уходим! Оно идёт на нас! – орёт Игги.

Мы оба тянемся к одному веслу, из-за чего байдарка резко кренится вбок. Одним плавным движением нас с Игги опрокидывает в тёмную воду – так быстро, что мы и пикнуть не успеваем.

Холод настигает меня не сразу, но стоит мне погрузиться в озеро, как я вдыхаю чуть не полную грудь воды и выныриваю, захлёбываясь. Тяжёлая куртка и свитер тянут меня ко дну. Мне удаётся лишь удерживать лицо над поверхностью, и вот тогда-то я начинаю задыхаться от жуткого холода.

Ловя ртом воздух, я зову:

– Иг... Игги! – Я думаю о том, что мы не надели спасательные жилеты, и меня гложет страх.

Рядом со мной всплывает шар рыжих волос, следом за которым возникает перепуганное лицо Игги.

– А... а... я тут. – Он хватается за меня. – Нам на... надо сматываться. Эта штука при... при... приближается. – От холода он едва может говорить. Он начинает плыть к берегу, как вдруг останавливается. – Г... где Сьюзи? – Стоит ему произнести её имя, как из-под перевернутой байдарки раздаётся глухой стук.

– Сьюзи! – страдальчески кричит Игги и, прежде чем я успеваю что-нибудь сказать, скрывается под водой.

Секунды проходят, я чувствую, как моя одежда становится всё тяжелее, и мне по-настоящему страшно.

– Игги! – воплю я и поворачиваюсь вокруг своей оси. – И-и-и-и-иг-ги-и-и-и!

Я уже готов завопить снова, как вдруг вижу рядом с байдаркой какой-то всплеск. Из воды опять всплывает голова Игги, а с ней рядом – промокшие рыжие перья Сьюзи, которая выглядит весьма ошалело.

Я оказался ближе к причалу, чем Игги, и мне легче плыть, чем ему, потому что он придерживает Сьюзи. Я взбираюсь по скользкой железной лестнице, а моя насквозь промокшая одежда тянет меня назад. Я оглядываюсь и замечаю странный, полуневидимый объект на поверхности воды – он движется и приближается к Игги.

Игги отделяют от причала всего метров пятнадцать, и я вижу, какой неприкрытый ужас написан на его лице, когда он осознаёт, что происходит.

– Плыви, Игги. Плыви! Н-не оглядывайся. Просто плыви!

Но Игги всё же оглядывается, и мне кажется, что на секунду он замирает в ужасе. Держа голову Сюзи над поверхностью, он начинает колотить по воде свободной рукой и обеими ногами.

– Давай, Игги! Поднажми – ты сможешь!

Десять метров. Пять. Теперь я слышу гудение так, словно то, что его издаёт, пересекает озеро, приближаясь к Игги с каждым его гребком. Я вытягиваю руку.

– У тебя получится – давай же!

Потом он кричит, булькнув, отпускает Сюзи и скрывается под чёрной гладью воды.

Глава 5

Несколько секунд спустя Игги выныривает, издавая звуки, дающие понять, что он в ужасе.

– Оно... оно... зацепило... зацепилось... – Он как будто борется с чем-то скрытым под водой, словно у него запутались ноги.

Удивительно, но очки остались на нём. Он ухитряется схватить Сьюзи и, загребая одной рукой, преодолевает последние два метра до причала, на который я втаскиваю его за руку.

– Моя... м-моя но-нога, – стонет Игги. – Оно за... зацепилось.

Он оставил на причале свой велосипедный фонарь. Я хватаю фонарь, свечу Игги на ногу и в ужасе отшатываюсь.

– Что... что, совсем пло-плохо? – спрашивает он.

Я киваю. Огромный тройной крючок впился ему в икру и вырвал приличный кусок плоти, пока Игги пытался освободиться. Его нога каким-то образом запуталась в нашей леске, и он крепко насадился на крючок, пока плыл, прямо как рыба. Кровь вперемешку с льющейся с нас водой образует красный ручеек, стекающий назад в озеро. Игги тянется рукой вниз и снова стонет, ощущая тёплую кровь.

– По-позвони моей маме, – хрипит он.

– Конечно, Игги. Подожди. С тобой всё будет хорошо.

Я неуклюже роюсь в кармане промокших джинсов в поисках телефона.

«Всё не НАСТОЛЬКО плохо, – твержу я себе. – Не истечёт же он кровью насмерть прямо здесь, на этом самом причале».

Я тычу в кнопку включения на своём телефоне.

Смартфоны и вода не очень-то сочетаются. Я пробую снова. И снова.

– Где твой? – спрашиваю я Игги, чьё дыхание превратилось в неглубокое и частое пыхтение.

– Моя ма... мама его конфисковала.

В *это* я могу поверить.

В отчаянии я вскакиваю на ноги и кричу:

– Помогите! *Помогите!* – а Игги пыхтит и стонет, улёгшись на причал на спину.

– Ни... никто тебя не услышит, – выдавливают Игги у меня под ногами, а потом снова хрипит от боли.

– Я побегу к дороге, – говорю я. – Может, какая-нибудь машина остановится. Жди здесь.

О чём я думаю вообще? На этой дороге и машин-то почти не бывает, разве что лесовозы проезжают время от времени. Я что, паникую? Я уже на полпути к дороге, когда осознаю, что оставлять раненого человека, насквозь промокшего и жутко замёрзшего, в темноте на причале – просто ту-пость.

Несколько секунд я перескакиваю с ноги на ногу, пытаюсь

придумать, как же быть, пока наконец не поворачиваюсь и кидаюсь по тропе назад к пляжу. Я вижу, что Игги лежит там, где я его и оставил, а потом останавливаюсь и негромко вскрикиваю.

На причале прямо на моих глазах кто-то появился.

Я знаю, что это звучит безумно, но выглядит всё как волшебный фокус или спецэффект какой-то. Только что на причале был только лежащий Игги. А через секунду там появляется это... эта *фигура*. Она не могла ниоткуда прийти. В смысле, другого пути к причалу, кроме той тропы, которой пришёл я, нет, а я ни с кем не пересекался.

Хотя уже довольно темно...

Я стаю на краю причала, упирающемся в берег, когда слышу, что этот человек что-то говорит. Он – или она – не услышал, что я иду, лицом стоит к Игги, и я думаю, что и сам Игги моего возвращения тоже не заметил: голова у него другим занята, а именно замерзанием и истеканием кровью до полусмерти. Человек издаёт странные гнусавые, попискивающие звуки, а затем произносит:

– Я вас слышу. Я помогу.

Игги, который смотрел в другую сторону, приподнимается на локте, оборачивается, а затем шокированно отползает назад, пачкаясь в своей же крови.

Я тороплюсь к нему, проходя совсем рядом с человеком, который будто бы одет в лохматую меховую шубу, но поначалу это всё, что я замечаю: меня больше занимает Игги.

– Ты в порядке? – говорю я. – Прости, что бросил тебя тут. Этот человек может помочь. Это же хорошо, а?

Язык у меня слегка заплетается, и я не очень-то понимаю выражение ужаса на лице Игги – он косится мимо меня, глядя через свои заляпанные мокрые очки на незнакомца, который по-прежнему стоит у меня за спиной.

Игги едва может выдавить:

– Тай... Тайт. Что... что..?

Он не сводит глаз с человека за моей спиной, так что я поворачиваюсь, чтобы тоже поглядеть. То, что я вижу, настолько меня шокирует, что я пошатываюсь и поскользываюсь, со всего размаха падая на пятую точку. Я продолжаю пятиться спиной вперёд к краю причала, не в силах отвести взгляда от того, что вижу, и – в то же самое время – отчаянно пытаюсь оказаться от этого как можно дальше.

Игги изгибает шею, но он не может передвигаться так быстро, как я, так что просто лежит, пыхтя от ужаса.

У этого существа есть голова с блестящей гривой длинных серебристых волос, а ниже волос у него лицо. Человеческое лицо. Ну, почти человеческое: формой оно такое, каким и должно быть лицо, вот только оно всё покрыто волосами, глаза у него широко расставленные и бледные, а нос огромный и дёргается, как у хомяка.

Я так перепуган, что будь я помладше – наверняка обмочился бы, но этого, к счастью, не происходит.

Оно определённо *похож* на человека. Начать с того, что

у него две ноги и две руки. Не считая длинных волос на голове, всё остальное его тело покрыто светлым сероватым пушистым мехом, который будто бы стоит дыбом. Из-за спины выглядывает изгиб хвоста, движущегося наподобие кошачьего. Так что оно одновременно *похож* и *совершенно не похож* на человека.

Существо некоторое время таращится на меня своими огромными глазами, а потом бросает взгляд на небо над лесом, поднимая нос, чтобы принюхаться к воздуху. Затем оно снова поворачивается к нам и делает шаг вперёд. Мы с Игги оба съёживаемся, но оно останавливается и продолжает таращиться и принюхиваться. Затем оно встряхивается: по его телу пробегает волна дрожи, от которой мех колыхнется. Его верхняя губа оттягивается назад, обнажая длинные, острые, жёлтые зубы.

Я слышу, как кто-то скулит. Поначалу я не осознаю, что это я.

Глава 6

Игги заговаривает первым.

– Кто... кто вы? Чего вы хотите? П-пожалуйста, не надо меня ранить.

Человекоподобное существо шагает вперёд, а мы отползаем назад до тех пор, пока не оказываемся прямо на краю причала, так что больше нам некуда деваться, разве что обратно в воду. Даже Сьюзи, стряхнув с перьев столько воды, сколько смогла, попятилась.

Существо наклоняется вперёд, пока его голова не оказывается на расстоянии примерно метра от нас. Оно глубоко вдыхает, а потом издаёт ртом и носом те же кряхтяще-визгливые звуки, что и раньше. За ними немедленно следует:

– Ты уше ранен.

Голос у существа странный, одновременно гортанный и пронзительный. Оно произносит звук «р» раскатисто, как Шейла-Шотландка из нашей деревни, и выговаривает каждое слово по отдельности, словно только недавно выучило язык. Существо поднимает длинный волосатый палец и указывает им на кровотокающую ногу Игги.

Игги от страха ничего не может сказать.

– Тепе нужна моя помощь? – вновь раздаётся голос после очередного краткого сопения и попискивания.

Я чувствую его дыхание: оно как у собаки – кисловатое и

отдаёт рыбой. Время от времени существо облизывает губы длинным серым языком.

Помощь? Ну не знаю. Я думаю о том, что мог бы вско-чить и столкнуть его в воду, а потом побежать вверх по тропе за великами... Вот только Игги не в состоянии бегать. Мне придётся оставить его здесь на произвол этой... штуки. Он бы так со мной не поступил, мне кажется.

Игги кивает.

Мы оба вздрагиваем, когда существо поднимает руки и снимает из-за спины небольшой рюкзак.

В голове у меня мечется мысль: «Вот что случилось с Там-ми. Сейчас и с нами разделаются. Это не монстр: это человек. Это какой-то чокнутый в костюме, и сейчас он достанет нож, или пистолет, или...»

Я внимательно присматриваюсь. Если это костюм, то где швы? Где спрятана молния? И нос, конечно, накладной? Я видел передачи по телику, где гримёры делали вещи наподобие такого. Пластическое чего-то-там. Но зачем кому-то шлаться в таком виде вокруг Килдерского водохранилища в темноте, если только он не затевает что-то нехорошее? На Хэллоуин – ещё куда ни шло, но он был почти два месяца назад.

Затем существо достаёт из рюкзака палку: довольно толстую, как рукоять метлы, гладкую, тёмную, длиной сантиметров 30. Оно зажимает её в кулаке и рассматривает некоторое время, пока мы трясёмся от холода и *полнейшего* ужа-

са. Я чувствую, как рука Игги жмёт мою, и пожимаю её в ответ. Если мне вот-вот придёт конец, я не хочу умирать в одиночестве.

– Восможно, сработает, а может, нет, – говорит человек-в-костюме (теперь я в этом уверен). – Ваша клеточная структура практически идентичная. Вытяни ногу.

Игги отшатывается и подтягивает ногу к себе поближе.

– Больно не будет. – Существо делает паузу. – *Давай!*

Медленно, как черепаха, которая высовывается из панциря, Игги выпрямляет свою окровавленную ногу. Он покусывает от страха.

Снова раздаётся гортанное сопение, а затем слово:

– Свет!

Существо смотрит на меня.

Я тянусь за фонариком. Вдобавок к тому, что на ноге Игги зияет длинная глубокая рана, в его плоть по-прежнему крепко впивается крючок. Из раны на причал течёт кровь.

Существо придвигается, держа свой жезл в руке, и проводит им над порезами. И тут прямо на наших глазах кровь останавливается, и рана покрывается коркой. Огромный рыболовный крючок с прикреплённой к нему приманкой отцепляется от заживающей плоти и падает на доски причала. Корка на ране становится коричневой, потом чёрной, и всё это секунд за тридцать. Существо возвращает палку в рюкзак, а затем аккуратно постукивает длинным пальцем по корке, и она отваливается, обнажая новую, розовую кожу.

Существо выпрямляется, и я перевожу взгляд на его ноги. Они босые, волосатые и явно не искусственные, какие надевают поверх ботинок. Он – она? – довольно небольшой, но не крошечный: не такой высокий, как я. Существо не горбится и не кажется жутким, как Голлум из «Властелина колец» – вовсе нет. И несмотря на то, что оно абсолютно голое, складывается впечатление, что его это абсолютно не смущает.

Не сводя глаз с существа, Игги говорит мне:

– Это девочка.

– Откуда ты знаешь?

Игги цокает языком.

– Смотри, Тайт. Нет, эм... мальчишеских признаков.

Я не заметил этого раньше, но он прав. Мне становится странно неловко, когда я смотрю на это существо – на неё – вот так. Я чувствую, что краснею.

Когда она встаёт, неподвижный холодный воздух доносит до меня частичку её запаха. Засорившиеся трубы? Скисшее молоко? Ушная сера? Пахнет так, будто всё это смешалось, превращаясь в густой, отвратительный смрад – так пахнет не просто её дыхание, так пахнет *она сама*.

– Боже, Игги. Как же она воняет! – шепчу я.

Игги снял свою кепку и теперь прижимает её к носу.

– А я-то думал, это от тебя, – говорит он приглушённым голосом.

Мы с Игги медленно поднимаемся на ноги, и теперь мы втроём стоим, образуя треугольничек, не говоря ни слова –

просто, знаете, совершенно поражённые. Игги сгибает и разгибает свою свежеисцелённую ногу.

В конце концов он нахлобучивает кепку обратно на голову и дважды стучит себя по груди.

– Я есть Игги, – говорит он, и существо с усилием моргает.

Я мог бы поклясться, что она думает: «Зачем это он разговаривает как полоумный?»

И всё же, беря пример с Игги, я указываю на себя и говорю:

– Я есть Итан.

Я не могу точно сказать, откуда знаю это, потому что она не ахает, не моргает и ничего такого не делает, но я чувствую, что она удивлена.

– И-тан? – переспрашивает она.

– Да.

Она поднимает подбородок, затем опускает. Выглядит так, будто она кивает, но в обратном порядке. Затем она произносит нечто похожее на «Элли-энн» и похлопывает себя по груди.

Игги глядит на меня с ликующей ухмылкой на лице.

– Видишь? Это её имя. Эллиэнн!

Но тут мы слышим крики и собачий лай и видим лучи фонарей среди деревьев в отдалении, спускающиеся по тропе от основной дороги.

Выражение чистейшего ужаса, мелькающее на странном волосатом лице существа, меняет, я полагаю, всё.

– Молчите, – говорит она своим пискляво-гортанным голосом.

– Что? – спрашивает Игги.

– Я говорю: молчите. Гофорите, что не видели меня. Со-
лгите. Вам, людям, это хорошо удаётся.

– Подожди, – говорю я. – *Кто* ты такая? И зачем нам лгать?

Лай раздаётся ближе, и из кустов возникает огромная немецкая овчарка, скачками приближающаяся к нам по прибрежной гальке.

Я слышу:

– Что такое, Шеба? Что ты нашла?

А существо, утверждающее, что её зовут Эллиэнн, глядит на меня пристальным взглядом бледных глаз.

– Потому что иначе ты больше никогда не уфидишь свою сестру.

Мою сестру. Тамми.

Игги был прав. Его затея с рыбалкой сработала: уже где-то час я почти и не вспоминал о ней.

Но теперь я стою, насквозь промокший, на деревянном причале промозглым вечером, и воспоминание о том, почему я здесь, захлёстывает меня волной скорби.

Глава 7

– Ненавижу тебя!

Это последние слова, которые я сказал Тамми. Они вернутся у меня в голове – и это абсолютная неправда.

Моя сестра-близнец. «Другая половина» меня, как часто говорила Ма, и была права.

Тамара, кратко Тамми, Тайт. Классное имя, я думаю, в основном из-за аллитерации. Тамми Тайт. С тех пор, как она пропала, не проходит и часа, чтобы я не подумал об этих трёх слогах.

Часа? Скорее уж пяти минут. Скорее уж пяти *секунд*. Это ужасно утомляет.

Потом я временами осознаю, что *не думал* о Тамми уже несколько минут, и это едва ли не хуже, так что я заставляю себя представить её, снова мысленно услышать её голос. То, как она говорит «Ой, *И-та-а-а-ан!*», когда я её чем-то раздражаю (что происходит довольно часто); или то, как она однажды пукнула в ванне, когда мы были маленькими, и смеялась так сильно, что ударилась головой о кран, и это рассмешило её ещё сильнее, хоть голова у неё и кровила.

Затем я неизменно начинаю думать о последних нескольких месяцах, когда мы переехали в Килдер и пошли в среднюю школу. Теперь мы в разных классах. Она завела друзей, с которыми я даже не знаком (и по меньшей мере одну по-

другу, которой я даже не нравлюсь. Ничего страшного, Надя Ковальски, это чувство взаимно).

Потом от всех этих мыслей я опять начинаю грустить, отчего – странным образом – мне становится лучше, потому что это как будто возмещает то, что иногда я забываю о ней думать.

А когда мне грустно, я вспоминаю последние слова, которые сказал ей: «Ненавижу тебя».

Ма я этого не рассказывал. Это огорчило бы её, а Ма с Па и так уже достаточно огорчены. На самом деле мы с Тамми говорили, что ненавидим друг друга, *гораздо* чаще, чем что любим.

И немудрено: мы никогда не говорили, что любим друг друга. Да и зачем? Это было бы словно с самим собой разговаривать.

И всё же мне хотелось бы, чтобы последними словами, которые я ей сказал, были не «Ненавижу тебя».

Четырьмя днями ранее

Глава 8

Был рождественский сочельник, и пустоши укрыло снегом. Думаю, все надеялись, что пройдёт сильный снегопад и нашу деревню завалит так, что она станет похожа на рождественскую открытку, но этого не произошло, да и, если честно, наша деревня всё равно не из тех, что изображают на открытках.

Килдер довольно пёстрая деревенька, старые дома здесь соседствуют с новыми, и у нас нет типичной «деревенской улочки» – знаете, булочная, мясная лавка и кондитерская, как обычно бывает в рассказах. Благодаря лесу, озеру и обсерватории летом тут толпы туристов, но зимой всё в основном закрыто – кафе там, лабиринт из живой изгороди и Пункт Проката Психа Мика, который сдаёт в аренду велосипеды. Тамми взяла моду называть деревню Скучновиллем. Как-то она сказала: «Мне здесь не место. Я человек городской», будто сонный Тайнмут – где мы жили раньше – это прямо Нью-Йорк какой-то.

Хотя ещё есть паб, им заправляют мои мама с папой. «Звездочёт» стоит в стороне от главной дороги, к нему ведёт короткий проезд с вывеской в конце, тут есть огромная рождественская ёлка у входа, и цветные гирлянды на окнах, и куча свечей внутри, потому что Ма наполовину датчанка, а они без ума от свечей.

Я могу вспомнить практически каждую деталь того вечера, хотя предпочёл бы забыть. Я пересказывал всё это полицейским, Ма, Па, Ба, репортёрам, а чаще всего – самому себе: мысленно, снова, и снова, и снова.

Ну так вот, «ещё разок, с самого начала», как говорит мисс Суонн, наша учительница музыки.

Был вечер, пять минут седьмого. Ма ушла в паб, там собирались петь рождественские песни. Па хотел нарядиться, и мы с Тамми должны были присоединиться к нему, а перед этим обойти местных стариков – Шейлу-Шотландку, Томми Натрасса и сестёр Белл – и разнести им рождественские подарки от Ма и Па – по бутылке водки с ярлыками «Счастливого Рождества! От Адама и Мел из „Звездочёта“».

Моей задачей было завернуть эти подарки.

Тамми спустилась с верхнего этажа с продолговатыми коробками, обёрнутыми в красную бумагу и перевязанными ленточками, в хозяйственной сумке. Тогда-то мы и поругались. Всё началось с того, что Тамми вытащила один из подарков и с сарказмом сказала:

– Отличная работа!

– Я сделал всё, что мог, – ответил я.

Бумага измялась, отовсюду торчал скотч, а ленты были завязаны кое-как. Когда Тамми подняла свёрток, один из ярлыков отвалился. Заворачивать подарки нелегко.

– «Я сделал всё что мог, Тамми», – передразнила она детским голоском. – Ты вечно так говоришь! Но это всегда вра-

нью, не так ли? Ты делаешь так, чтобы *казалось*, будто ты сделал всё, что мог. Ты делаешь так, чтобы люди думали, будто это всё, что ты можешь. Ты делаешь *ровно столько*, чтобы когда ты скажешь «Но я сделал всё, что мог», люди поверили бы тебе и сказали: «Ой, бедненький Итан – он сделал всё, что мог». Но знаешь что, Итан? Я знаю, что ты действительно можешь. Мы с тобой близнецы, помнишь? Я другая половина тебя. Кому, как не мне, знать? И ты сделал не всё, что мог – далеко не всё, так что не ври. – В доказательство она помахала одним из как попало упакованных подарков, и от него отлетел ещё один ярлычок.

– Где твой костюм? – спросил я, чтобы сменить тему. Мы договорились тем вечером переодеться в рождественских эльфов. Должно было быть весело.

Тамми закатила глаза и цокнула языком.

– Ты как дитя малое, Итан. – Когда она это сказала, я посмотрел на свой костюм с прошлогоднего школьного карнавала: полосатое трико, зелёная куртка с ремнём и остроко-нечная шляпа, которую я держал в руках. Ненавижу, когда Тамми говорит что-то в этом духе: будто то, что она на десять минут меня старше, даёт ей какое-то возрастное преимущество.

– Но ты же *согласилась*! – сказал я, пытаюсь (безуспешно), чтобы голос не звучал плаксиво.

Тамми была в своей обычной одежде: джинсы, кроссовки, плотная флисовая кофта. Она не очень следит за модой, на-

ша Там. Она натягивала свою новую красную дутую куртку, которую ей загодя подарила на Рождество живущая с нами Ба.

– Ну так я могу и отказаться. Вот. Я *отказываюсь* наряжаться и скакать по Скучновиллю как какая-нибудь шестилетка. А ты – давай. Выглядишь шикарно.

– Нет уж, один я так не пойду. Тогда я переоденусь, – прыгал я и затопал вверх по ступенькам.

– Увидимся у Шейлы-Шотландки. Я ухожу.

– Что, и меня не подождёшь?

– Нет. Мы уже и так опаздываем. Пока. – Она открыла входную дверь и вышла на улицу, и вот тогда-то я и крикнул:

– Ненавижу тебя!

(Порой я надеюсь, что она не услышала меня, но скорее всего услышала. Я это громко крикнул, а она ещё даже дверь не успела закрыть.)

Пять минут спустя я снял дурацкий костюм эльфа и успокоился. «Может, она была права», – подумал я. Я пошёл на компромисс и переоделся в свитер с оленем, у которого нос светился красным. (Я не собирался полностью сдаваться, понимаете?) Я захлопнул за собой дверь и поехал на велике догонять сестру.

Вскоре я наткнулся на велик Тамми, лежащий в канаве возле дороги. Его передние и задние фары ярко горели белым и красным, освещая подмёрзшую обочину. Самой Тамми нигде не было.

С тех пор я её не видел.

Глава 9

Когда люди узнают, что мы с Тамми близнецы, они иногда говорят: «О-о, а вы читаете мысли друг друга?», и это настолько тупо, что мы заготовили стандартный ответ. Я говорю: «Да, конечно читаем. Тамми, какое число я загадал?» И какое бы Тамми ни назвала число, я отвечаю: «Абсолютно верно! Ого!»

Ну, в любом случае, нам это казалось смешным. Новая подруга Тамми, Надя, даже повелась на это, но она чему угодно поверит.

Так что нет: мы не читаем мысли друг друга. Но в тот вечер, когда я увидел велик Тамми, валяющийся возле дороги с включёнными фарами, я *догадался*, что что-то неладно. В животе у меня что-то оборвалось, и я остановил свой велик рядом с её. От шеи вниз по спине расползся холод, будто кто-то насыпал мне за шиворот льда.

– Тамми! – крикнул я, сначала негромко, поскольку, хоть я уже и догадался, я не мог быть *уверен*, что что-то неладно, если вы меня понимаете. – Ты тут?

Луна ещё висела низко, скрытая за плотными облаками, а когда небо здесь такое, в Килдере становится темнее, чем можно было бы ожидать, так что единственным источником света служили велосипедные фары.

– ТАММИ! – заорал я и наклонил голову, прислушива-

ясь, но услышал лишь тишину. Ветер, обдувавший голые деревья, был такой слабый, что почти не издавал шума.

Велик Тамми остановился рядом с заросшей тропой, которая вела вниз, к водохранилищу и маленькому причалу, где мы с сестрой играем в нашу игру «брось-камень-как-можно-дальше». Я схватил фонарик со своего велика и пошёл вниз по тропе.

«Ерунда какая-то, – сказал я себе. – Зачем бы ей сюда идти?»

– Тамми! Тамм! – продолжал звать я.

Тропа, ведущая к берегу озера, довольно крутая, и я то и дело спотыкался в темноте, пока не добрался наконец до усыпанного галькой и камнями пляжа. Я уставился на чернильную тьму Килдерского водохранилища и вот тогда-то и услышал тот шум: низкое жужжание, становящееся всё пронзительнее.

О-О-О-О-О-О-М-М-М-М-М-М-М-М-М, о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-м-м-м-м-м-м-м-м-м.

Этот звук *вроде как* смахивал на гул самолёта, но это точно был не самолёт. Он *вроде как* походил на шум моторной лодки, но это точно была не моторная лодка; и ничего не было видно. Здесь, прямо у воды, небо казалось немного яснее и скрытая облаками луна освещала пространство тусклым серым светом. Я прищурился и уставился на озеро. Там появился столб тумана, он вытянулся в небо, замер так на несколько секунд, а потом ветер рассеял его.

Ещё я учуял запах. Неприятный запах: едва уловимый, будто вонь немытого тела и засорившихся труб, но вскоре и его унесло ветром.

Может, она спустилась к озеру, чтобы попрактиковаться в бросании камней? Потому она постоянно меня побеждала, что тайком тренировалась? Я знал, что это дурацкое предположение, но, думаю, тогда я уже начал паниковать.

Моё сердце грохотало от страха, пока я взбирался вверх по тропе туда, где велик Тамми так и лежал на боку с включёнными фарами.

Я снова выкрикнул её имя, отчаянно надеясь, что она появится из обступавшего дорогу леса. Она скажет: «*Ита-а-а-ан*, ради всего святого, чего ты орёшь? Я просто отошла в лес пописать» или что-нибудь в этом духе.

Но она не появилась, и я знал, что должен позвать на помощь. Я вытащил телефон, но сигнала не было. Здесь вообще редко связь ловит. Выйти из деревни – всё равно что в 1990 году оказаться.

Я взгромоздился на велик и закрутил педали так быстро, как только мог, к дому Шейлы-Шотландки, всю дорогу крича «Тамми!», пока едва не охрип.

Глава 10

Если события до обнаружения велосипеда Тамми я помню отчётливо, то всё, что произошло дальше, немного смазалось в моей голове.

Несясь по изрезанной рытвинами лесной дороге к деревне, я всё размышлял, почему велик Тамми оказался брошен.

Она оставила его и решила идти пешком. Маловероятно. На самом деле, настолько маловероятно, что практически невозможно.

Кто-то предложил подбросить её на машине, и она согласилась. Опять же, маловероятно. Зачем бы ей? И кроме того – кто? По этой дороге почти никого не ездит, и с чего бы кому-то предлагать Тамми подбросить её, и с чего бы ей оставлять свой велик? И... нет, это глупое предположение.

К тому времени, как я пересёк мост над ручьём, у меня появилась уверенность, что с Тамми произошло нечто ужасное.

Южная часть деревни в общем-то представляет собой одну-единственную улицу, на которой располагаются ряды блочных домиков. Я притормозил возле дома Шейлы-Шотландки, спрыгнул с велика, роняя его на землю, и заколотил в дверь.

– Иду, иду! – раздался изнутри голос пожилой леди.

Я заговорил ещё до того, как дверь успела открыться.

– Тамми тут? – протараторил я. – Она должна была прийти сюда – вы её видели?

– Здорово, малец, – сказала Шейла с улыбкой, будто не услышав меня.

– Ну так что вы? – гаркнул я, и она явно оторопела.

– Что я чт...

– Вы видели Тамми? – крикнул я.

В панике я позабыл о манерах.

– Ну, не. Сегодня не видала. Я думала...

– До свидания! – бросил я и побежал обратно к велику. Развернул его и поехал на наш конец деревни так быстро, как только мог.

«Звездочёт» был ярко украшен, на огромном дереве рядом с пабом светились огоньки, которые мы с Тамми помогали развешивать на прошлой неделе. Уже с подъездной дорожки я слышал пение. Собравшиеся петь рождественские песни начали рано, и через окно я видел, что Кора Фокс-Темплтон, мама Игги, подыгрывает им на старом расстроенном пианино. Игги стоял с ней рядом, а Сьюзи сидела на пианино сверху, будто собиралась отложить яйцо. Из окна доносилось:

– *Вести ангельской внемли! Царь родился всей земли!*

Я соскочил с велика, вломился через двери в вестибюль и направился напрямиком к бару, и там меня с головой накрыло шумом, духотой и музыкой.

– Милость, мир Он всем дарит, грешных с Богом примирит...

У барной стойки раздались радостные возгласы, и Па крикнул:

– Ну ладно, народ! Кому Кубок Огня?

Это один из его барменских фокусов, который я видел кучу раз: на поднос ставятся в ряд коктейли, а потом Па поджигает алкоголь, и они загораются. Обычно я люблю на это смотреть.

Ма взяла поднос в руки, а я начал проталкиваться через компании людей, пока не подобрался к ней.

– Ма! Ма!

Она раздражённо повернулась ко мне, качая головой и не переставая петь.

– Ма! Ты должна меня выслушать!

– Осторожно! У меня тут пожарная угроза! – сказала она. – Так – кто хочет рюмочку? *Не сейчас, Итан!*

– Нет, сейчас! – закричал я.

Люди заметили меня, и некоторые из них пихнули соседей локтями и прекратили петь. У меня не было выбора. Я вцепился в крышку пианино и захлопнул её, а мама Игги взвизгнула и как раз вовремя успела отдернуть пальцы. Крышка опустилась на клавиши, раздался грохот, браслеты на запястьях Кору зазвенели, а Сюзи неодобрительно встопорщила перья. Пару секунд спустя пение утихло.

– Итан! Ради всего святого... – начала Ма, проталкиваясь

ко мне, но я не слушал.

Вместо этого я повернулся к собравшимся и сказал:

– Тамми пропала! Я нашёл её велик возле дороги, а её самой нигде нет.

Люди начали приглушённо переговариваться. Кто-то, кто сидел в дальней части паба и не расслышал меня, сказал:

– Эй! Куда делась музыка? – и на него тут же шикнули.

Па, переодетый в оловянного солдата, вышел из-за барной стойки и поднял руки.

– Ладно, ладно, – спокойно сказал он. – Что происходит? Итан?

Так что я снова рассказал ему, что случилось, что я звал Тамми, и что фары на её велике ещё горели, и что Шейла-Шотландка её не видела. Слова лились из меня с такой скоростью, что Па дважды пришлось сказать мне:

– Спокойно, сынок. Не спеши так.

Потом я поглядел на Ма, и наши глаза встретились. Я ещё никогда не видел настолько напуганного человека. С её лица сбежала вся краска: Ма была серая, как призрак.

Две минуты спустя бар начал пустеть: люди торопились на парковку и рассаживались по машинам.

– Ты проверь лесную тропу, Джек!

– Я поеду на северную дорогу – давай со мной, Джен.

– У неё был с собой телефон?

– Кто-нибудь позвонил в полицию?

– Встречаемся тут через полчаса, идёт?

– У вас есть мой номер? Позвоните мне, если найдёте её! ...и так далее. Казалось, будто вся деревня бросилась на поиски, машины разъезжались во все стороны.

Па вроде бы руководил происходящим, или по крайней мере пытался, но кругом царила суматоха. Я оказался как бы в эпицентре всего этого, но дела для меня не нашлось. Ба натягивала свои беговые кроссовки и налобный фонарь: она сказала, что побежит своей обычной тропой по лесу, где машине не проехать. И посреди этого хаоса я посмотрел на другой конец бара и увидел сидящего на табурете у пианино Игги со сведёнными от беспокойства бровями, нервно перебирающего руками кепку. Его мама, Кора, стояла с ним рядом и выглядела в красно-белом колпаке Санты очень жалко.

– Мел, – сказал Па Ма, – может, останешься дома?

– Нет! – возразила Ма. – Я иду искать свою дочь!

Тогда Па поглядел на меня.

– Ты не против остаться, Итан? На случай, если она вернётся сюда? – Он посмотрел на Кору Фокс-Темплтон, и они обменялись взглядом, который, видимо, означал, что Кора остаётся здесь за главную как «ответственный взрослый».

Она кивнула, и колокольчик на её колпаке звякнул.

– Держите телефоны включёнными. Не уходите из паба, – велел Па, натягивая пальто поверх костюма солдата. – Мы сообщим вам, когда найдём её.

«Когда». Это мне понравилось.

Так что Игги, его мама, его курица и я переместились в

вестибюль паба ждать Тамми, пока все остальные отправились на её поиски.

Повисла неловкая тишина. Я не то чтобы особенно хорошо их всех знал.

В конце концов Игги сказал:

– Отец мой нашёлся.

Я озадаченно посмотрел на него.

– Он пропал, когда я был маленький. Его нашли спустя две недели, он бродяжничал в Лондоне. Так что, знаешь...

– Он... с ним всё в порядке? – спросил я.

Его мама смотрела в окно и, казалось, не прислушивалась к разговору.

Игги кивнул.

– Да. Теперь у него другая семья. Но он приедет повидаться со мной после Рождества, правда, Кора?

Кора повернулась к нему.

– Он сказал, что постарается, Игги. Путь неблизкий, и ты же знаешь, какой он.

Игги помрачнел, а мне стало неловко, так что я достал телефон и в очередной раз попытался дозвониться до Тамми.

– Привет, это Тамми. Меня тут нет, так что оставьте мне сообщение, пожалуйста!

Мою голову переполняли самые ужасные мысли. «Её похитили. Её убили...»

Но я по-прежнему не мог думать, кто сотворил бы такое – или как.

Так что я заново пересказал им обоим, как всё было. В этот раз я не упустил ни единой детали. Я рассказал, как спустился по тропе и как услышал гудение и увидел столб тумана...

Они выслушали меня, вдумчиво кивая. Потом у меня звонил телефон – это оказалась Ма. Я попытался убедить себя не рассчитывать на хорошие новости. Но, как и в тот раз, когда я представлял, что Тамми появится из леса, застёгивая джинсы, я не мог не надеяться, что Ма скажет: «Мы нашли её».

Вместо этого я услышал:

– Никаких новостей. Мы возвращаемся. Полицейские тоже едут, и они захотят поговорить с тобой, Итан.

Я смотрел на Игги – услышав слово «полицейские», он как-то вздрогнул. Я и до этого знал, что дело плохо. Но именно тогда я окончательно в этом убедился.

Глава 11

Игги Фокс-Темплтон. Он сыграет в этой истории значительную роль. В конце концов мы очень сблизились, раньше я и не подумал бы, что так будет – или что оно того вообще стоит.

Он – «тот мальчишка, который поджжёт школу». Вот только я был тому свидетелем и никакую школу он не поджигал. Просто «тот мальчишка, который поджжёт мусорку» звучит не так здóрово.

По мнению Ма и Па, он оказывает на меня «дурное влияние», из-за того случая, когда он украл чипсы из подсобки, где у нас хранится всякое для паба. Па пожаловался его маме, но её это не очень-то обеспокоило. Больше Па ничего делать не стал, потому что мы в деревню переехали недавно, а Па считает, что новому владельцу паба не следует с самого начала наживать себе врагов. «И он зовёт свою мать *Кора*, во имя всего святого, – сказал он с ухмылкой. – Чокнутая старая хиппи было бы точнее», – и тогда Ма цыкнула на него и велела не быть таким злюкой.

В школу я хожу всего лишь с сентября, но Игги то прогуливает, то его отстраняют от занятий, да так часто, что его там почти и не бывает.

А в последний раз он поджжёт мусорку на восточной игровой площадке.

Ничего серьёзного. Обошлось без жертв – хотя, полагаю, могло и не обойтись, и Игги всё сошло бы с рук, не выдай его Надя Ковальски. Хотя он тогда уже приобрёл врага в её лице, так что она жаждала возмездия.

Всё началось с урока физики мистера Спрингэма. Он рассказывал об искажении света. Или об отражении. Или о том, и другом – не помню. Что я помню, так это то, как Игги пересел поближе и заворожённо наблюдал за мистером Спрингэмом, который с помощью стеклянной колбы преломил луч света и направил его в одну точку. Игги даже в тетрадку что-то записал, чего я раньше никогда не замечал за ним.

На следующий день в школьном автобусе он сел за мной. Тамми сидела впереди меня, рядом с Надей Ковальски. В автобусе с нами постоянно ездят ещё человек шесть, но я особо с ними не знаком: они учатся в других классах и либо болтают друг с другом, либо слушают музыку, либо в телефонах сидят.

– Приветствую, Тайт, – сказал Игги, нависая над моим сиденьем. Это было в октябре, пару месяцев спустя после того, как мы переехали в Килдер, и я его вроде как уже немного знал. Не считая Тамми, он единственный ребёнок в деревне примерно моего возраста. Игги старше нас с Тамми на год или около того, но он всё ещё в седьмом классе, потому что очень часто пропускал уроки.

– Хочешь поглядеть на мой Луч Смерти? – шепнул он, бросая косой взгляд на Тамми и Надю.

Не дожидаясь моего ответа (я бы всё равно сказал «да» – в смысле, кто бы не захотел поглядеть на Луч Смерти, чем бы он ни оказался?), он протиснулся мимо меня и уселся у окна.

– Обещаешь, что ничего не скажешь? – спросил Игги.

– Ага, – ответил я не раздумывая.

Тогда он снял очки и сказал:

– Подождём остановки.

В тот день было очень тепло: будто не октябрь, а август какой-то. Солнце сияло на безоблачном небе. Несколько минут спустя школьный автобус остановился в конце просёлочной дороги, и мы знали, что придётся ждать, потому что живущая тут девчонка почти всегда опаздывает на минуту-другую. Водительница заглушила мотор, и всё стихло. Игги порылся в своей сумке и вынул оттуда маленькую круглую стеклянную колбу – точно такую, какую мистер Спрингэм использовал для демонстрации своего «преломления света».

– Эй, это что...? – начал я.

– Ш-ш. Просто позаимствовал. Смотри.

Он поднёс колбу к автобусному окну, затем другой рукой снял очки, двигая ими туда-сюда рядом с колбой.

Луч солнца, светивший сквозь колбу и толстые линзы очков, упал на спинку сиденья перед нами и сформировал нечто вроде удлинённого треугольника света с более ярким кругом у вершины. Игги наклонил очки, и круг превратился в маленькую яркую точку, которой он управлял, шевеля очками из стороны в сторону. Он медленно вёл эту точку света,

пока она не сдвинулась со спинки сиденья, переместившись на шею Нади Ковальски.

– Это физика, – прошептал Игги, будто внезапно сделавшись экспертом. – Линза в моих очках концентрирует свет солнца в одной точке, которая скоро станет очень горячей. Смотри.

Долго ждать нам не пришлось. Всего пару секунд спустя Надя взвизгнула:

– Ау-у! – и вскинула руку к шее. Она повернулась налево к Тамми, а потом назад – к нам.

Игги уже надел свои очки обратно и попивал воду из колбы.

– Ты что... что ты только что...?

Мы с Игги поглядели друг на друга, а потом снова на Надю, придав лицам выражение удивлённой невинности.

– Что? – хором спросили мы, и она отвернулась.

На её шее я разглядел крошечный ожог от Луча Смерти Игги. Также, судя по её шее, я понял, что она ужасно покраснела, поскольку когда она взвизгнула, все обернулись на неё посмотреть, включая парня по имени Дамиан из девятого класса, от которого, как всем известно, Надя без ума.

Игги с безжалостной ухмылкой приготовился ко второму заходу, снимая очки и приподнимая их, но прямо в тот миг автобус завёлся. Из-за автобусной тряски держать точку Луча Смерти ровно стало невозможно.

Но Игги не собирался сдаваться. Двадцать минут спустя

мы подъехали к воротам школы. Мотор затих, и все повставали с мест.

– Подождите! – крикнула Морин, водительница, которая никогда не открывала двери, пока не впишет данные в какую-то форму, которую должна была заполнять, на доске-планшете.

Игги воспользовался моментом, сдёрнул с себя очки и сконцентрировал Луч Смерти на обратной стороне Надиной коленки.

Она не двигалась, и точка света была ровной и яркой. Надя как раз говорила с Дамианом Как-его-там и теребила свои волосы, когда вдруг громко взвизгнула.

– А-а-а-а-ау! – Она наклонилась потереть ногу, книги, которые она держала в руках, полетели на пол, и все в автобусе на неё уставились.

Наклоняясь, Надя врзала Дамиану головой в грудь, толкая его на стоящих позади ребят, из-за чего Морин крикнула:

– Ну-ка поосторожнее, народ!

Я умудрился сохранить невозмутимое лицо, а у Игги вот не получилось. Он так и захлёбывался смехом.

Наконец мы вывалились из автобуса и услышали, как Дамиан говорит своим приятелям:

– Ну *она* и чокнутая! – достаточно громко, чтобы Надя услышала.

Ко мне подкралась Тамми.

– Это было гадко с твоей стороны, – сказала она, но я думаю, она пыталась скрыть улыбку.

– Это не я, – ответил я. – Это всё Луч Смерти Игги. Тамми покачала головой и цокнула языком.

– Она ему отомстит. Вот подожди только.

Долго ждать ему не пришлось.

Глава 12

На переменах Игги болтается с какими-то парнями постарше, хотя я думаю, что они не испытывают к нему особой симпатии, потому что я слышал, как они высмеивали его произношение, когда он отошёл. Как бы то ни было, после ланча я прохаживался по восточной игровой площадке и увидел группу ребят – в основном мальчишки, несколько девчонок – собравшихся в дальнем углу. Я узнал парочку из них – так называемые друзья Игги.

До меня донёсся голос Игги:

– Леди и джентльмены, узрите могущество Луча Смерти!

Наступила долгая пауза.

Я услышал, как кто-то говорит:

– Ну давай, не тяни.

А потом кто-то ещё сказал:

– Эй, глядите!

Раздались ликующие возгласы, за которыми последовала поднимающаяся в воздух струя дыма, а потом все начали разбегаться в разные стороны. Я увидел, как Игги надевает очки, и понял, что произошло. Содержимое проволочной урны полыхало вовсю; бог знает, что в ней такое было, раз оно загорелось так быстро, но жаркая погода, видимо, сделала мусор сухим, как хворост.

Однако когда толпа рассеялась, я увидел, что пламя под-

нимается вверх, к деревянной доске объявлений с отслаивающейся краской, тоже начавшей загораться. Я решил, что лучше убираться отсюда, и вроде как слился с толпой, когда мистер Спрингэм со всех ног примчался к урне, держа в руках огнетушитель.

– КТО ЭТО СДЕЛАЛ? ТОТ, КТО ВИНОВЕН В ЭТОМ, ПОНЕСЁТ САМОЕ СУРОВОЕ НАКАЗАНИЕ!

Надя отомстила, рассказав всем о Луче Смерти и о том, как Игги с его помощью поджёл мусорку. Вскоре слухи дошли и до учителей. Это стоило ему очередного отстранения от школы, кроме того, ребят, которые наблюдали за этим и поддерживали его, оставили после уроков и сообщили их родителям. Конечно, все они были в ярости, и, думаю, это не укрепило и без того хрупкую популярность Игги.

А Игги? После этого я его и не видел, хоть мы и живём в одной деревне. В смысле, мы и до этого не были лучшими друзьями, но теперь Ма с Па тем более вряд ли одобрили бы моё с ним общение, так ведь?

Потом, незадолго до Рождества, мы с Тамми увидели Игги внизу на причале – с курицей. С живой курицей, в смысле.

Тамми тогда объявила, что пришло время ежегодного финала Камней в Озере. (Серия до трёх побед, проигравший покупает победителю в школьном буфете маффин.) Каждый бросил уже по два раза, и теперь всё зависело от моего броска. Я размахнулся, намереваясь в этот раз победить, но стоило мне изо всех сил швырнуть камень, как я услышал вопль:

«СЬЮЗИ!» – и это меня сбило. Мой камень ещё не ударился о воду, а я уже знал, что проиграл, так что я разъярённо развернулся – посмотреть, кто вопил. Тамми хихикала как сумасшедшая.

– Кто это... – начал я, а потом увидел, как на тропе появляется Игги, а следом за ним – маленькая курица рыжего окраса. Он ставил курицу на землю, потом отходил, а курица оставалась на месте, прямо как собака. Затем он подзывал: «Сьюзи, ко мне!» – и курица поднималась и скакала к нему!

Тамми умилилась:

– О-о-о-о-о! – будто увидела симпатичного котёнка. Игги заметил, что мы наблюдаем, и подошёл. Я всё ещё злился из-за своего поражения в Камнях в Озере и тихо прицокнул языком.

– Курицы, – сказал он. – Умнее, чем можно было бы подумать, знаете? Сьюзи, сидеть!

Курица остановилась и присела. Тамми ахнула и слегка похлопала в ладоши.

– Откуда он у тебя? – настороженно поинтересовался я.

– Она, – поправил Игги. – Мой папа говорит, что я должен о ком-нибудь заботиться. Знаете, чтобы стать «ответственным». Он сказал, что заботился о курах, когда был в центре реабилитации. – Он упомянул об этом совершенно непринуждённо, изображая пальцами кавычки. – Как бы не так! Короче, я забрал её у старого Томми Натрасса – она ему была не нужна, потому что яйца несёт махонькие. Правда, Сьюзи?

Услышав своё имя, Сьюзи подняла голову, прямо как собака. Мы с Тамми рассмеялись, и Тамми стиснула мою руку и сказала писклявым голосом:

– Ой, это так *ми-и-ило!* – а потом всю дорогу до дома напевала свою любимую песню «Танец курочек». Тем вечером Ма испекла к ужину куриный пирог. Тамми сказала, что не голодна.

Так вот это – Игги и Сьюзи. Когда мы встретились в следующий раз, я едва не сломал его маме пальцы крышкой пианино.

Глава 13

С того момента, как я ворвался в «Звездочёт» с новостью о том, что Тамми пропала, прошло два часа. К этому времени паб был уже полон людей – они болтали друг с другом или по своим мобильникам. Другие, те, кто отправились на машинах прочёсывать дороги, ведущие на север в Шотландию или на юг в Хексхэм и во все остальные стороны, возвращались, печально качая головами. Ма ужасно крепко обнимала меня и просила в очередной раз пересказать, что я видел.

Вскоре на подъездной дорожке притормозила полицейская машина, из которой вылезли два человека в форме. Я уже слышал, что небольшой полицейский участок в Беллингхэме, километрах в тридцати отсюда, успел закрыться на рождественские каникулы.

Я услышал, как полицейские входят в паб и Па беседует с ними у дверей:

– Да, сэр, мы из Хексхэма приехали.

– Только вдвоём? – спросил Па.

Он по-прежнему был в своём костюме оловянного солдата, но никто не обращал на это внимания.

– Сегодня сочельник, сэр. Людей у нас не хватает, честно говоря. Но мы дорожный патруль подключили – они скоро придут. А для начала нужно установить, что именно у нас тут за происшествие.

Так началась череда расспросов, которые продолжались потом не один день. Люди приходили и уходили, а Па пытался всё скоординировать. В паб звонили – «Есть новости?», вокруг то и дело пищали и трезвонили мобильники.

Игги и его мама ушли, пожелав всего доброго, после того, как Кора посидела минутку с закрытыми глазами и помедитировала «для создания позитивной энергии» – что, наверное, было мило с её стороны, разве что чуточку неловко.

Я сидел с Ба в вестибюле паба – она пила чай, держа чашку трясущимися руками, в камине горел огонь. Я всё рассказал полиции, и они записали мои показания себе в блокноты.

Потом я добрался до того момента, когда услышал у воды шум...

– Постой, Итан, – сказала женщина-полицейский, которую я счёл весьма приятной. – Скажи-ка ещё разок: зачем ты спустился к воде?

Я пожал плечами.

– Я просто пошёл по тропе. Мне просто... было *интересно*. Я беспокоился, боялся за Тамми. И там я услышал этот шум.

Я попытался изобразить им его, но у меня получилось не очень похоже. Полицейские переглянулись, а затем сделали какие-то пометки в блокнотах.

– Скоростной катер? – предположил мужчина-полицейский, обращаясь к своей коллеге.

Та задумалась на мгновение, а я сказал:

– Это *точно* был не скоростной катер.

– Тогда, может, дрон?

Я сказал, что, возможно, это мог быть дрон, а сам подумал – «Кто станет управлять дроном в темноте?»

– Ясно. Спасибо, Итан, – сказала женщина-полицейский, вставая. Она обратилась к коллеге: – Карим, нужно поехать и оградить тропу и пляж лентой. Это потенциальное место преступления. – Она заговорила в рацию. – Майк два лима браво, что слышно от дорожного патруля, который отправили на розыски человека в Килдер?

– Будут у вас через десять минут, сержант, – раздалось из рации в ответ.

Па с ещё одним мужчиной отправился на его машине обыскивать лабиринт из живой изгороди. На зиму лабиринт закрывали, но при желании в него было легко попасть, хотя я не мог представить, зачем Тамми захотелось бы туда лезть. Ма, сидевшая на потёртом диване рядом со мной, сжала мою руку так сильно, что стало больно, но я ничего не стал говорить.

Сержант сказала:

– Миссис Тайт, я бы хотела отвезти Итана на ту тропу, где был обнаружен велосипед Тамми. Есть ли кто-то, кто останется здесь с вами?

– Я с ней посижу, – сказала Ба. – Ещё чаю, Мел? – спросила она. – Или хочешь чего-то покрепче?

Ма кивнула.

Я вышел на улицу и сел в полицейскую машину. Несколько минут спустя мы уже тряслись на ухабистой дороге, по которой я совсем недавно проезжал на велике. У заросшего кустами выхода на тропу стояла группа людей, и сержант выбралась из машины и подошла к ним.

– Всем спасибо. Будьте добры, разойдитесь. Мы обыскиваем местность в поисках улик. Пожалуйста, ничего не трогайте.

– Уже поздно, сержант, – сказал её коллега.

Он указал на мужчину с короткой седой бородой и в зелёной камуфляжной куртке, вцепившегося в велик Тамми.

– Пожалуйста, положите это, сэр. Нам могут потребоваться отпечатки пальцев или другие улики.

Мужчина резко бросил велик, и тот с грохотом упал на землю. Я хотел сказать: «Эй, поосторожнее», но люди уже засыпали сержанта вопросами.

– Есть новости, мэм?

– Прибудет ли подкрепление?

– Будут местность прочёсывать?

Сержант изо всех сил старалась вежливо их проигнорировать, и двое полицейских повели меня по тёмной тропе – каждый держал в руке фонарь, чтобы светить под ноги. Но не успели мы добраться до маленького пляжа, как услышали громкий и злобный рык, который заставил нас замереть на месте. Потом раздалось шуршание веток, приближающийся топот ног и снова лай.

– Шеба! Шеба! – послышался впереди разозлённый голос, но было поздно – собака уже стояла перед нами, утробно рыча.

Я попятился, пытаюсь спрятаться полицейскому за спину, но он и сам тоже пятился.

Сержант не сдвинулась с места и громко крикнула в темноту:

– Отзовите свою собаку! Это полиция!

Из темноты появился мужчина: тот самый, что трогал велосипед Тамми. Он кричал:

– Шеба! Ко мне! Шеба! *Шеба! Ше-ба-а-а! Ко мне!*

Наконец собака перестала рычать, повернулась и подошла к мужчине. Мы все как будто одновременно выдохнули.

– Простите, – сказал мужчина. – Она...

Сержант перебила его:

– Не будете ли вы так любезны взять собаку на поводок, сэр? – резко сказала она. Когда мужчина замялся, она добавила: – Прямо сейчас, пожалуйста.

Собака эта была немецкой овчаркой, со шрамом на морде и клочковатым хвостом. Она села, пока мужчина прицеплял к её ошейнику поводок. Я его знал – вроде как. Джефф какой-то-там. Работает охранником в обсерватории на пустоши. Иногда приходит в паб с ещё одним мужчиной, своим сыном.

– Есть какие новости о девице? – спросил Джефф. – Мы сюда искать её пришли.

Мы вышли на маленький пляж, где стоял сын Джеффа и курил сигарету. Я по-прежнему не сводил подозрительного взгляда с собаки, которая так и рвалась с поводка.

– Нет, сэр, – сказал младший полицейский. – Теперь эта зона оцеплена. Мы будем вынуждены попросить вас покинуть её и ничего не трогать. – Он достал блокнот. – Могу ли я узнать ваши имена, пожалуйста?

Кутивший сигарету швырнул её в озеро, и окурочек упал на воду с тихим шипением. Мужчина выдохнул струйку дыма и сказал:

– Зачем это вам наши имена?

Сержант посмотрела на него с недоумением.

– Просто формальность, сэр. Какие-то проблемы?

Джефф кинул на своего сына быстрый взгляд и ответил:

– Никаких проблем, мэм. Мы рады помочь. Меня зовут Джефффри Маккей. Д-Ж-Е-Ф-Ф-Р-И. *Фу, Шеба!* А это тоже Джефффри Маккей – младший...

Он продолжил сообщать свои данные, а я отошёл на пару метров по берегу в сторону ветхого деревянного причала, выступающего на несколько метров в воду. Тогда-то я и увидел его – лежащий перевёрнутым на чёрной гальке, наполовину скрытый под водой.

Отлетевший ярлык от подарка, который я заворачивал. С надписью: «Мисс Шейле Осборн».

Глава 14

Следующая часть ужасно грустная. Я говорю это просто чтобы предупредить вас, потому что нет почти ничего хуже, чем читать о чужих страданиях.

Тем вечером Па, Ма, Ба и я были жутко перепуганы за Тамми. Сочельник плавно перетёк в Рождество, но всё обычное празднование прекратилось. Думаю, никто толком не спал. К двум часам ночи из Хексхэма прибыло ещё больше полиции.

К тому времени, как рассвело, а было это часов в восемь, на парковке у «Звездочёта» собралась громадная толпа людей, и инспектор полиции в форме вместе со специалистом по спасательным работам в горах из Нортумберлендского национального парка, приехавшим сюда с двенадцатью волонтерами, раздавал им указания. Все они сорвались в рождественское утро нам на помощь.

Здесь же стоял спасательный внедорожник, полный разного снаряжения. Двое Джеффов тоже явились, и Шеба скалилась на трёх хорошо выдрессированных колли-спасателей в светящихся жилетках.

В какой-то момент вечный гвалт бара полностью стих, и повисла тишина, которую вскоре нарушил звон одинокого колокола на местной церквушке, собирающего людей на утреннюю рождественскую службу. Я представил, как при-

ходской священник, отец Ник, оглядывает пустые скамьи и удивляется, почему это никто не пришёл. (На самом деле, позже я его увидел. Он снял церковное облачение и отменил свои службы в трёх других церквях, чтобы присоединиться к поискам.)

Утро и день пролетели суматошно, надежда сменялась бурной деятельностью и наоборот. К середине утра мы расконцентрировались по пустошам и начали прочёсывать их, пробираясь через снег, со свистками и фонариками. К нам присоединился Игги, и Ба в своём зимнем спортивном костюме, и Кора; на самом деле, я думаю, почти все в деревне так или иначе участвовали. Они все были очень добры: не лезли, когда Ма плакала, и говорили мне: «Не переживай, сынок, мы её найдём». Телевизор в баре был выключен, потому что практически на каждом канале крутили весёлые рождественские передачи и фильмы, но ни у кого не было настроения их смотреть.

За ночь погода на пустошах ухудшилась. Снова пошёл снег, и все знали, что это не к добру. Если Тамми каким-то образом заблудилась – к морозной ночи в Нортумберлендских холмах она подготовлена не была, даже несмотря на свою дутую куртку.

Однако не этого мы боялись сильнее всего. Были варианты и похуже, которые никто не произносил вслух на тот случай, если произнесённое вдруг сбудется.

Тем днём, когда обычно мы бы смотрели какой-нибудь

смешной фильм и ели сладости, я сидел с Ма в украшенном к Рождеству баре, и выключенные огоньки на ёлке вдруг показались мне самыми печальными и бесполезными штуками на свете. Мы смотрели из окна паба, которое пару недель назад мы с Тамми обрызгали искусственным снегом, и наблюдали, как на подъездной дорожке притормаживает машина хозяев школы парусного спорта с противоположного берега водохранилища с прицепом, в котором лежит небольшая лодка с подвесным мотором.

Мы знали, что это значило. Это значило, что была вероятность, что Тамми оказалась в воде и не выбралась оттуда. Утонула, иными словами. Никому не было нужды ничего говорить, но когда Ма разрыдалась, я разрыдался тоже, а Ба сидела с нами рядом и глядела прямо перед собой, печально качая головой.

– Знаете, на пустошах ведь есть пастушьи домики, – наконец сказала Ба. – Они чуть дальше, чем мы искали. Возможно, Тамми...

– Натрассы уже доезжали дотуда на своих квадроциклах, – безразлично сказала Ма.

Я подумал, что вероятнее всего – но представлять это было почти невыносимо – Тамми похитили. Но *зачем?* Этого я понять не мог и, думаю, Ма тоже.

Проходили часы...

Вернулись команды поисковиков Национального парка...

Полиция продолжала наводить справки, прибывали всё

новые полицейские машины, в том числе внедорожник...

Приехала скорая, на тот случай, если Тамми найдётся и ей понадобится помощь...

Рождественский день превратился в длинный вечер. Па вернулся с поисковиками и налил им всем виски из бара, чтобы согреться. Он и себе налил, а потом ещё, и ещё. Когда стало совсем поздно, некоторые из людей разошлись по домам к своим стареньким родственникам, и испорченным рождественским ужинам, и маленьким детям, которым не стали рассказывать, что случилось, чтобы не омрачать им праздник.

Потом тот день как-то скомканно перевалился в следующий, и я обнаружил, что играю роль в драме, вроде тех, которые я раньше видел по телику, только в этот раз всё было по-настоящему.

Паб превратился в штаб-квартиру. Всюду от Карлайла до Ньюкасла были развешаны напечатанные плакаты с надписью «Вернись, Тамми». Тед из мини-гостиницы, у которого брат занимался печатью всякого в Хексхэме, привёз кучу поразительно быстро сделанных футболок с лицом Тамми, и люди надевали их поверх тёплых курток, когда караулили возле церкви.

На земле чайными свечами было выложено «ТАММИ», и люди несли сюда цветы и плюшевые игрушки. Старшие ребята, ездившие с нами на школьном автобусе, запели любимую рождественскую песню Тамми – старый хит, его испол-

няла певица Фелина, которая уже давненько умерла. Предполагалось, что это смешная песня, слова там были такие:

«Та-та-танец курочек пляши!

До-до-до упаду, от души!

Та-та-танец курочек пляши – под ёлкой!»

К ним присоединился отец Ник, но звучало это совершенно неуместно, даже без глупых движений, которые полагалось делать. Я не мог подпевать, потому что мне было слишком грустно, чтобы петь весёлую песню, так что я просто стоял и смотрел, ни на секунду не забывая, что все наблюдают за мной, но пытаюсь делать вид, что это вовсе не так.

Вскоре (вскоре? По ощущениям это тянулось лет десять) прошли четыре полных страданий дня, а Тамми так и не нашлась.

И всё же я чувствовал, глубоко внутри, так глубоко, что даже не знал, настоящее ли это чувство, что Тамми жива. Где-то там.

Потом, четыре мучительных дня спустя, ко мне на порог появился Игги Фокс-Темплтон со своей удочкой, пытаюсь вести себя как обычно, и всё сделалось ещё менее обычным, если такое вообще возможно. Потому что именно тогда мы встретили Эллиэнн: странное, плохо пахнущее существо, которое сказала, что знает, где Тамми, и что мы не должны ни-

кому ничего говорить.

Я совершенно не знал, что делать, и, думаю, вы бы тоже не знали.

Часть вторая

История Эллиэнн

Глава 15

Эллиэнн

Ну что ж, рассказать вам длинную версию истории о том, как я попала на Землю, или краткую?

Я расскажу вам краткую версию. В длинную вам придётся вникнуть самим по дороге. Если мы вообще туда доберёмся – в настоящее время нет никаких гарантий.

В любом случае, вот краткая история.

Я Эллиэнн, мне одиннадцать лет, и я не с вашей планеты. (Знаю, знаю: позже всё станет яснее. Это краткая версия, помните?)

Я живу в мире, где человеческих существ вроде вас (но не вроде меня, поскольку я не «человеческое существо») показывают в зоопарках. Я считаю, что это по многим причинам неправильно и что я должна сделать всё, что в моих силах, чтобы исправить это.

И вот так я оказалась в космическом аппарате, пересекающем вселенную, с двумя мальчиками и курицей.

Примечание к переводу

Я написала свою часть истории на моём родном языке, и

она была переведена на английский Филипом.

Теперь я знаю, что анталланский не очень похож на человеческий язык. Для вас он звучит как череда хрюканья, писка и сопения. Мой земной друг Игнатус Фокс-Темплтон (Игги) сказал мне, что когда я говорю по-анталлански, у меня такой голос, будто «свинью душат», и они с Итаном Тайтом смеялись не переставая сорок две секунды.

Там, где точного слова не существует, Филип, робот, пытался подобрать ближайший лексический эквивалент, чтобы не нарушать хода повествования.

(Кстати, он не металлический робот, у которого есть лицо и который разгуливает, мигая лампочками. Он скорее... Что ж, увидите сами.)

Глава 16

Мы в очень, очень многих аспектах схожи с вами. Начать с того, что мы выглядим довольно похоже на вас. Не *в точности* как вы, но всё же довольно близко.

У меня есть две ноги, две руки и голова, и хожу я прямо. Ещё у меня есть хвост, но это не особо важно.

И всё-таки сложно игнорировать то, чем мы различаемся. Так что давайте сразу разберёмся с основными различиями, идёт?

Полагаю, самое главное – это то, что мы гораздо, *гораздо* разумнее вас. Простите, если это кажется грубым, но это факт, а факты важны. Для нас вы примерно так же разумны, как ручная курица Игги. Именно поэтому большинство из нас считает, что держать вас в зоопарках – это нормально.

Мой дом – моя планета – так далеко от вас, что если бы мне нужно было написать точное число в километрах, оно заняло бы всю оставшуюся страницу. Оно начинается с 950, а дальше идут сплошные нули, примерно так:

950 000 000 000 000 000 000...

...и так до конца страницы, а может, и дальше. Конечно, в написанном виде от этого может сложиться впечатление, что нас разделяет лишь расстояние, но мы исчисляем всё иначе. Мы принимаем во внимание и расстояние, и время (они взаимосвязаны, как ваш Альберт Эйнштейн заметил боль-

ше сотни лет назад), плюс квантово-пространственный перенос, который позволяет нам «перемещаться быстрее скорости света», хоть на самом деле это не совсем так. Это такой пространственный фокус, который пока что недоступен вашему пониманию. Честно говоря, я *не до конца* уверена, что сама это всё понимаю, хоть обычно я в этом не признаюсь.

Посмотрите на это с такой стороны: сможете вы мне объяснить, как работает ваше «телевидение»? Думаю, нет. Вот и у меня с Внутривселенским Переносом так же. Я рада, что это работает, и пользуюсь им, не вдаваясь в подробности.

В нашем мире очень чисто. У нас есть доступ к неограниченной энергии, которая не загрязняет окружающую среду.

У нас не бывает конфликтов. Мы не развязываем войны, потому что у нас есть всё, чего мы хотим, а все решения за всех нас принимает Советник.

У нас не бывает болезней – не было уже перед Великим Пожаром, огнём, который распространился по всей планете, бушевал несколько десятилетий и уничтожил практически всё.

Мы единственные существа, населяющие планету: почти все последние «животные» были успешно уничтожены много веков назад, а оставшиеся погибли в Великом Пожаре. Функции, которые выполняли некоторые из низших существ (такие как переработка отходов или способствование росту посевов), с тех пор успешно, безопасно и гигиенично осуществляются искусственно созданными роботами.

По сравнению с вами наш жизненный цикл короток (тридцать лет, если руководствоваться временем, за которое ваша Земля делает оборот вокруг вашего Солнца, – это глубокая старость и предел износа наших тел).

Получается, к одиннадцати годам я прожила уже примерно треть своей жизни. Я закончила школу в семь и живу самостоятельно.

Значит, в свои одиннадцать я по-настоящему – как выразились бы вы – «взрослая».

Так что я была взрослой, когда оказалась в аппарате, летящем на вашу планету. В маленькое поселение на острове под названием Британия.

Это была опасная затея. Не из-за Внутривселенского Переноса (вы, кажется, называете это «космическим путешествием»). В нём нет ничего примечательного, хоть он и запрящён Советником. Нет, всё дело было в *причине*, по которой я явилась, опасность состояла именно в ней.

Видите ли, у меня была, как бы вы это назвали, «миссия».

Высокорискованная миссия по спасению девочки из человеческого зоопарка на моей планете в дофигаллионе миль от Земли (это число, придуманное Игги) и возвращению её домой.

Если мне не удастся задуманное – а это случится, если меня поймают – меня усыпят, самое большее до конца моей жизни. А помимо этого, человеческое существо умрёт в

своём жалком вольере, а её родители и брат будут жить в страданиях, а я совершенно не собиралась допустить, чтобы такое случилось.

И это всё из-за того, что у меня есть сердце: сердце, которое заставляет меня чувствовать.

Поэтому ужасно досадно, что мне действительно не удалось спасти девочку и в итоге пришлось отправиться на Землю одной.

Видите ли, моя миссия не задалась с самого начала...

Глава 17

У меня болело всё.

Я была хорошо пристёгнута, но от первого удара о поверхность озера мою шею здорово встряхнуло. Приземления на воду в первоначальном плане не было. По сути, мало что из произошедшего было в первоначальном плане.

Например, согласно первоначальному плану рядом со мной в аппарате должна была находиться человеческая девочка, Та-ми. Я посмотрела на пустое место, где должна была сидеть она, и поморщилась от боли в шее.

И всё же я осталась жива.

Аппарат остановился и держался на плаву, от чего я почувствовала облегчение. Я знаю, что он был сконструирован, чтобы не тонуть, но – как я уже успела обнаружить – что-то всегда может пойти не так, и мне не нравилась перспектива задохнуться и умереть на дне этого озера.

Так что вдобавок к тому, что я была жива, аппарат держался на плаву, и я сидела прямо, тяжело дыша. В целом всё было не так уж и плохо. Ослабив застёжки вокруг ног и груди, я потратила несколько секунд, чтобы оценить ущерб. Я начала со ступней, пошевелив поочерёдно всеми двенадцатью пальцами, затем перешла к лодыжкам, коленям и так вверх до шеи, а потом вниз по рукам и хвосту.

Ничего не сломано, но всё ноет.

Потом я оглядела интерьер кабины. Большие панельные окна покрывала белая пелена: я ничего сквозь них не видела. Слева от меня была небольшая приборная панель, которая как будто отключилась при столкновении, но я в любом случае была не особенно в курсе, что тут к чему. Возможно, мой второй пилот сможет мне помочь.

– Филип? – сказала я.

Филип не ответил, и я ощутила укол тревоги.

– Филип? – снова позвала я и ударила по каким-то из световых панелей – более-менее наугад и абсолютно безрезультатно. Зато приборная панель замигала, с некоторой неохотой возвращаясь к жизни.

ОБЩИЙ ЗАРЯД: 0,5%

(На самом деле там было написано не 0,5%. Это ваша так называемая «земная математика», а мы проценты не используем, хоть для вас они и годятся.)

Но полпроцента – это нехорошо.

ВЗ ВКЛЮЧЕНА

А вот это новость поприятнее. Визуальная Защита работала, значит, аппарат был невидим снаружи, если исходить из того, что глаза землян устроены примерно как наши (и мы думаем, так и есть, если не считать той штуки, которую вы называете «цвет»).

– Филип, сделай передний экран прозрачным.

Передний экран оставался белым.

– Производится внутренний ремонт. Пожалуйста, жди-

те. – Последовала пауза, раздался короткий писк, а затем: – Непредвиденный объект в упаковочной зоне.

– Что? Филип! – Я почувствовала одновременно удовольствие и облегчение, услышав, что Филип отвечает мне, но в его голосовой системе явно произошла какая-то ошибка. Я оглядела аппарат: где здесь «упаковочная зона»?

– Производится внутренний ремонт. Пожалуйста, потушите сигареты, и спасибо, что выбрали супермаркет Уолмарт.

Над моей головой мигнул огонёк. Я потянулась и нажала расположенную с ним рядом кнопку; побелевшие окна тут же стали прозрачными, и я выглянула наружу. Когда мои глаза привыкли, я разглядела полутёмное небо и водную гладь, отделяющую меня от слегка освещённой береговой линии, – так я впервые увидела лунный свет.

Помимо лунного света, впрочем, планета не очень отличалась от Анталлы: такая же тёмная и невыразительная.

В голове начало проясняться после столкновения.

– Почему мы приземлились на воду, Филип? – К такому я не готовилась. Хотя если подумать, я вообще ни к чему не готовилась.

– Условия освещённости, Эллиэнн. Следующий час будет не полностью темно. Мы, в конце концов, улетали в спешке. Думаю, могла произойти ошибка при вводе данных, что привело к более раннему прибытию, чем было запланировано...

– А вертикальные приземления в дневное время не реко-

мендуются?

– Именно. На них уходит куда больше времени и, следовательно, они несут больший риск обнаружения. Возможно, я получил некоторые незначительные повреждения.

«Я тоже», – подумала я.

Однако на более подробную проверку времени не было. Моё приключение на Земле вот-вот должно было начаться.

Глава 18

Теперь я находилась на Земле и домой вернуться не могла. Разумнее и рациональнее всего было бы найти какое-то место, где можно спрятать аппарат, и разработать хоть какой-нибудь план. Однако для этого мне нужно было, чтобы Филип функционировал как следует. Я попыталась снова:

– Филип, сколько ещё осталось?

– Производится внутренний ремонт. Сроки окончания ремонта неизвестны. На кольцо сворачивайте на третьем съезде к трассе A404.

Я вздохнула, а затем вздрогнула от громкого «бам», похожее, раздавшегося снаружи аппарата. Выгнув шею, чтобы выглянуть в окно за спиной, я ахнула, когда увидела двух земных людей на крошечной неустойчивой лодке метрах в трёх от меня. В лодке находилось ещё что-то шевелящееся, похожее на птицу, хотя вряд ли это была птица.

Складывалось впечатление, что их лодка ударилась о мой аппарат. Видели ли они меня? Возможно, ВЗ всё-таки не работала?

Слышать их я не могла.

– Филип, – сказала я. – Внешний звук.

– Производится внутренний ремонт. Пожалуйста, оставайтесь на линии. Ваш звонок очень важен для нас.

– Ох, да замолчи. – Чепуха, которую нёс Филип, выводила

меня из себя.

—Пожалуйста, оставайтесь на линии. Абонент, которому вы звоните, знает, что вы ожидаете.

Один из людей снаружи начал кидать что-то – вроде как мелкие камни – в аппарат. Я попыталась повернуть свой транспорт старым способом, выпустив некоторое количество сжатого газа из выхлопного отверстия на задней его части, и это сработало. Мой аппарат медленно развернулся, и я оказалась к этим двум людям лицом. Они смотрели прямо на меня, но, кажется, не видели.

Это были первые земные люди, которых я встретила, не считая экспонатов в Зоне Земли. Они были мельче, чем я ожидала. Молодые особи. У обоих была светлая кожа и волосы разных оттенков. И эти странные, крошечные носы. *Как они ими вообще могут что-то учуять?*

Они были в «одежде». Про одежду я знала: человеческие существа носят её почти постоянно. От одной только мысли об этом я вся начинаю чесаться.

Я продвинула аппарат немного вперёд, чтобы взглянуть поближе, но, думаю, этим насторожила их. Один из них вытащил что-то блестящее в лунном свете, и я тут же испугалась. Это что, «пистолет»? Про эти шутки я тоже знала: маленькие ручные устройства, которые они используют, чтобы убивать других людей.

В любом случае, это оказался не пистолет, а что-то, с помощью чего человек создал луч света, который направил в

сторону аппарата, наклоняя под разными углами, и мне показалось, я поняла, что он делает. Если это был мощный источник света с низким преломлением, который вы называете «лазер», значит, у него появится представление о том, какой формы находящийся перед ним невидимый объект.

Если быть честной, я довольно впечатлилась. Это было куда выше того уровня разумности, который мы привыкли ожидать от человеческих существ.

Затем что-то пошло не так. Что-то напугало их. Может, движение моего аппарата. Но один из них встал, второй зашатался в лодке, и неожиданно они оба повалились в воду и изо всех сил погребли к берегу, один что-то придерживал рукой. Я увидела, как они карабкаются на деревянный помост, выступающий над водой вперёд. Один из людей явно был ранен.

– Филип? Мы уже можем двигаться?

– *Ограниченное движение теперь возможно, Эллиэнн. Спасибо за терпение.*

– Ты вернулся! – с облегчением сказала я.

– *Система значительно повреждена. Производится внутренний ремонт.*

Я рискнула продвинуться ещё немного следом за мальчиками, но на пляже приземлиться я не могла – он был слишком узкий. Я остановилась рядом с деревянной платформой. Теперь я была к ним достаточно близко и видела, что:

1. С ними определённо была птица. Она была вся мокрая – возможно, именно поэтому она не улетела.

2. В одном из них было нечто... знакомое, отчего у меня появилось странное чувство, потому что как такое возможно? Просто было в нём что-то такое, из-за чего мне стало любопытно. Он скакал вокруг второго, который лежал на деревянном помосте, крича от боли и довольно сильно истекая кровью. Смотреть на его страдания и не помочь было для меня невыносимо.

Я быстро приняла решение. Я:

1. Покину свой аппарат.

2. Исцелю раненого своей палкой, потому что мне не нравилось, что он мучается, а потом сотру им обоим память, если, конечно, всё сработает как должно.

3. Вернусь в аппарат и разработаю план действий.

Скоро всё закончится.

Тот, что не был ранен, начал кричать «Помогите!»

Я не знала, есть ли рядом кто-то, кто мог ему помочь, но это было нехорошо. Если кто-то появится, моё задание делается гораздо труднее.

Я должна была действовать быстро.

– Филип? Я собираюсь выйти.

– Ты уверена, что это разумно, Эллиэнн? Ты выйдешь из

невидимого аппарата и тем самым появишься словно из ниоткуда. Это напугает землян.

Оказалось, что это было ещё мягко сказано. Думаю, они определённо напугались.

Тем не менее я исцелила раненого. Хотя бы это сработало. Но я всё не сводила взгляда со второго. Знакомыми казались его веснушки и большие тёмные глаза. Они были прямо как у Тамми.

А потом я узнала его имя. «И-тан», – сказал он.

Он что... мог он быть... её *братом*? Возможно, даже *братом-близнецом*? Те, кто вырос одновременно в одной утробе, имеют склонность походить друг на друга. (Дома такого никогда не бывает, но, опять же, мы размножаемся совсем не как вы.)

В моей голове начала формироваться мысль. Возможно, моё положение начинало поправляться. В конце концов, люди лгут лучше нас. Может, это было то, что люди, в своей нелогичной манере, зовут «удачей» или «судьбой»: мне следует взять Итана с собой домой, чтобы спасти его сестру.

Так всё приключение и началось. Так я и встретила Итана, Игги и его курицу.

Когда я сказала ту фразу про «Иначе ты больше никогда не увидишь свою сестру», я действовала наугад. Но я поняла, что Итан и правда её брат, когда он тихонько ахнул и выпучил глаза.

Но для того, чтобы объяснить, почему я здесь оказалась,

мне придётся вернуться в прошлое – к тому моменту, когда я увидела человеческое существо *впервые*.

Глава 19

История о том, как я оказалась на Земле – одна, продрогшая до полусмерти в вашем нелепом «снегу», началась четыре года назад, когда мне было почти восемь. Как я уже объяснила, период моего формального обучения подходил к концу. Я заканчивала «школу», как бы вы это назвали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.